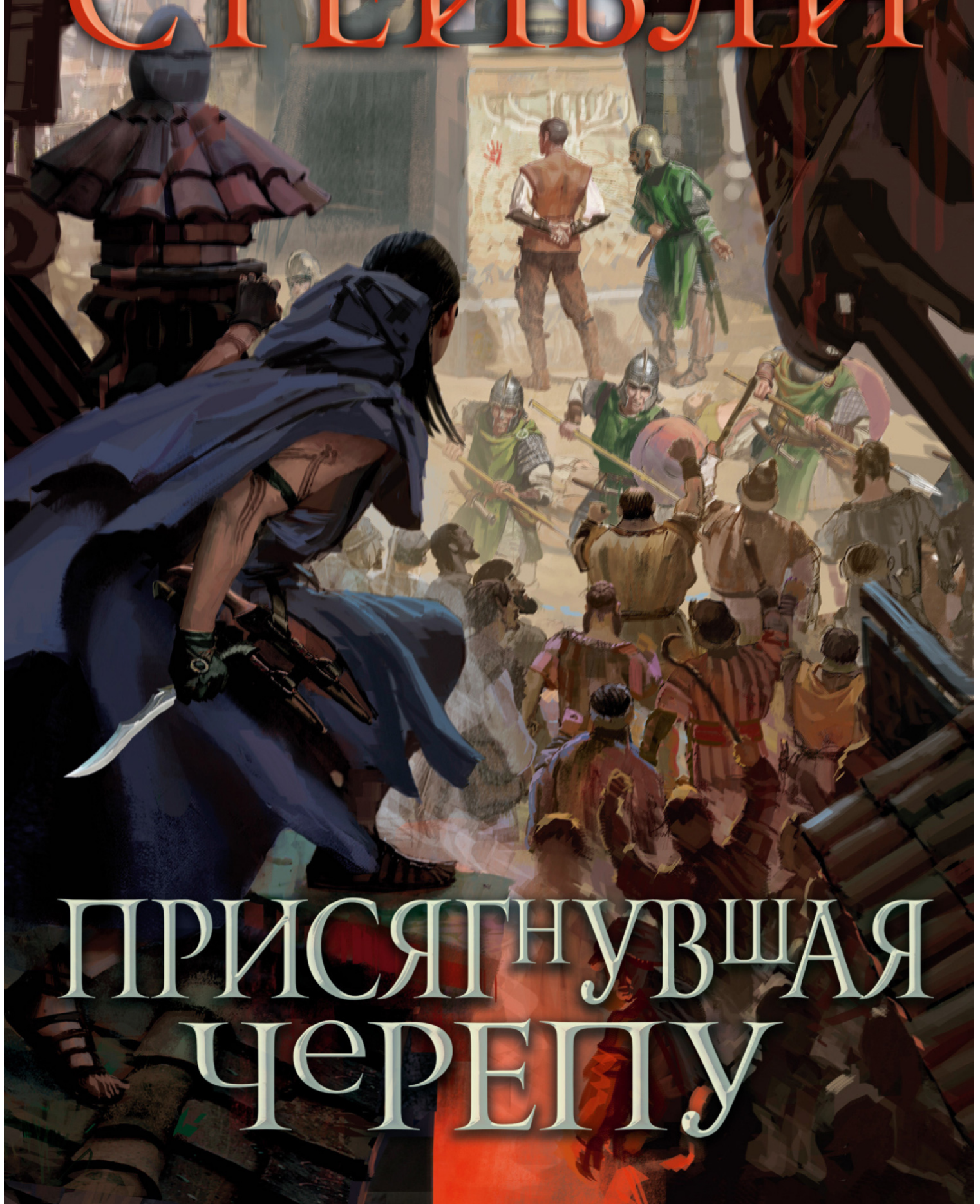

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

ПРИСЯГНУВШАЯ
ЧЕРЕПУ

Звезды новой фэнтези

Брайан Стейвли

Присягнувшая Черепу

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Стейвли Б.

Присягнувшая Черепу / Б. Стейвли — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-23478-9

Ей не нравится, когда ее называют Присягнувшая Черепу. Это не передает и доли ее преданности Ананшаэлю, богу смерти. Она мечтает стать его жрицей, и теперь ей осталось пройти последнее испытание. У нее будет четырнадцать дней на то, чтобы убить семерых, описанных в древней ритуальной песне, включая того, кто заставит ее душу и тело петь от любви. Пирр – воплощенная смертоносная сила и с легкостью принесет в жертву божеству человеческую жизнь, а если придется, отдаст и собственную. Она никогда ни с кем себя не связывала. Лишь однажды ей довелось встретить человека, которого она... запомнила. Он подавил мятеж в Домбанге – тысячелетнем городе, что стоит над болотом, кишасим злобными тварями. Пирр вместе с двумя свидетелями отправляется туда, чтобы среди темных извилистых каналов найти этого человека и покончить с ним... Роман из вселенной «Хроник Нетесаного трона». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23478-9

© Стейвли Б., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Брайан Стейвли

Присягнувшая Черепу

Brian Staveley

SKULLSWORN

Copyright © 2017 by Brian Staveley

All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents, Liza Dawson Associates (USA)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency

© Г. В. Соловьева, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Брайан Стейвли – автор отмеченной наградами трилогии-фэнтези «Хроники Нетесаного трона». После того как десять лет были отданы преподаванию литературы, философии, истории и теологии, Брайан решил посвятить себя литературному творчеству. Его первая книга «Клинка императора» в 2015 году получила премию Дэвида Геммела за лучший дебют, попала в шорт-лист «Локуса» и вышла в полуфинал Goodreads Choice Awards в двух номинациях: «Эпическая фэнтези» и «Дебют».

Трилогия о Нетесаном троне была переведена более чем на десять языков и успешно продается по всему миру.

* * *

Брайан Стейвли создал сложный мир с удивительным богатством деталей...

Library Journal (Starred Review)

«Присягнувшая Черепу» демонстрирует фирменный мрачный стиль Стейвли: его персонажи находятся в конфликте не только друг с другом, но и с собой; сцены как мелких, так и масштабных сражений могут поразить воображение любого поклонника жанра.

Fantasy-fiction.com

Стейвли подвергает главных героев испытанию, при этом он достаточно мудр, чтобы не идеализировать их, даже если они демонстрируют экстраординарные способности.

Publishers Weekly

Притягательно мрачный и эмоционально сложный дивертисмент.

Kirkus Reviews

Удивительно глубокие сцены и запоминающиеся персонажи.

Publishers Weekly

* * *

Посвящается Джо, которая показывает мне ноты

Пролог

Я не собиралась об этом рассказывать. Покидая тебя столько лет назад, я хотела унести с собой и нашу историю. Полагала, раз я в центре событий, она только моя, но так не бывает. Любая история лишь отчасти принадлежит рассказчику. Даже самой дикой выдумке нужен слушатель, а это – не выдумка. Это был, насколько мне удалось держаться правды многие годы спустя; к тому же в ней есть и другие участники. У них не меньше прав на эту историю, чем у меня, но они мертвы, и потому рассказывать выпало мне. Ты, конечно, тоже в ней участвуешь – единственный, кто дожил до конца, но не знал, что происходит. Не мог знать. Мне следовало давным-давно тебе рассказать, но далеко не сразу я поняла, что это и твоя история. Теперь, с опозданием, я ее тебе поведаю.

Я отправилась в Домбанг за любовью.

Ах да, еще мне надо было за четырнадцать дней убить семь человек, но это меня не смущало. Там, где я выросла, женщины укрепляли корсеты клинками, у каждого жреца было по десятку ножей, и стальные капканы, и иглы – такие тонкие, что не оставляли следа, проникая в мозг через глазницу. Такие же жрецы и жрицы, как я, погибали от огня и железа; кто быстро, спрыгивая с обрыва песчаниковой горы, кто медленно, от нарастающей жажды. К пятнадцати годам я наизусть заучила тысячу способов отдать человека моему богу. Я не сомневалась ни в своем благочестии, ни в способности принести жертву.

А вот любовь... С любовью было не так просто. За двадцать пять лет жизни я перебрала множество любовников, долгими ночами в пустынных горах познавала свое тело наедине с собой или в чьих-то жарких объятиях. А вот любовь мне не давалась.

Непосвященных этим не удивишь. «Какая любовь, – спросите вы, – способна прорасти в каменном сердце Присягнувшей Черепу? Разве клинки Ананшаэля могут любить?»

Я не обижаюсь. Для множества людей мой бог – как и смерть, которую он несет, – только несчастье и ужас. Вы не бывали в Рашшамбаре, не слышали наших песнопений под молодой луной, не пробовали сладких плодов с высаженных под нашими каменными стенами деревьев. Что вы знаете о мужчинах и женщинах, которых зовете Присягнувшими Черепу? Откуда вам узнать, если я не расскажу?

Вероятно, начать следует с прозвания. Оно неверно.

Я не присягала ни черепам, ни на черепах, ни рядом с черепами. Правду говоря, я много лет и не видела ни одного черепа. Разве что кусочек окровавленной кости в ране на голове, но цельный череп, с круглыми глазами, без подбородка? Ради бога, на что мне череп, что бы я стала с ним делать?

Согласно общему мнению, мы «пьем кровь невинных младенцев», поэтому я рассею и это заблуждение: я не пила крови младенцев, ни виновных, ни невинных. А так же крови взрослых и крови животных. Правда, однажды в Сиа отведала кровавую колбасу – толстые черные ломти на горке риса, – но ела с обычной тарелки, а не из черепа. Да там, кажется, все ее едят.

Уточню также, что не купаюсь в крови. Я достаточно перемазывалась в крови, когда трудилась для своего бога, но весь смысл купания в том, чтобы отскрести с себя кровь. Жрецы бога смерти купаются в горячей воде, – как все разумные люди в любом конце Анказа. В Рашшамбаре я добавляла в воду немного жасмина и порошок шалфея. Я люблю чистоту.

Еще несколько уточнений без особого порядка.

Я не одеваюсь в человеческую кожу. Предпочитаю шелк, хотя с шерсти кровь отстирывается легче.

Я никогда не совокуплялась с мертвецами. Не знаю, кто там измерял возбужденные члены висельников, только, даю вам слово, не я. Мужчины и живые слишком часто не знают, что делать в постели, чтобы добавлять к их недостаткам неповоротливость покойников. Любавники мне, как вода для купания, нравятся теплые, чистые и, по возможности, благоухающие, хотя в последних двух пунктах я готова на уступки.

Я, разумеется, понимаю, что все люди ошибаются. Если у вас перед глазами череп или бочка крови, вполне вероятно, здесь побывал мой бог – развоплотил живое существо и скрылся. Ананшаэль оставляет после себя кровь и черепа так же верно, как рассветный ветер взбивает пыль и качает деревья, но качающиеся деревья – не ветер, а кровь и черепа – не смерть.

Смерть с улыбкой опровергает любые сравнения. Я усвоила это в первый же свой год в Рашшамбаре. Проманется тот, кто назовет смерть дальней заморской страной или несмолкаемым криком. Смерть не похожа ни на что. Труды Ананшаэля нечему уподобить. Самый верный способ отдать дань его тайне и величию – промолчать.

С другой стороны, молчанием мы поощряем фантазии непосвященных – о наполненных кровью черепах, о кладбищенских оргиях, о младенцах, подвешенных на манер нелепых канделябров на стенах наших озаренных свечами пещер, – так что, пожалуй, несовершенная метафора будет лучше, чем ничего.

Возьмите виноградинку.

Пурпурная кожица словно овеейна туманом. Сотрите его или прямо так отправьте ягоду в рот. Под прохладной гладкой кожицей скрыта упругая плоть. Если вы уже разволновались, перестаньте. Начните заново. Вообразите виноград, и только виноград. Представьте его таким, какой он есть, иначе ничего не выйдет. Ну вот. Каков он на вкус?

Вы скажете, у виноградины вкус винограда? Ничего подобного! Пока вы не раскусите виноградину, у нее нет вкуса. Она как галька из быстрой осенней реки – гладкий холодный камешек без вкуса и аромата. Хоть целую вечность держите ее на языке – разве что капелька сока протечет из крошечной ранки в том месте, где ягода крепилась к черешку.

Вы, как эта виноградина, полны сочной сладостью влажной багровой жизни. Правда жизни равна правде винограда – нужно раскусить, сжать зубами кожицу, чтобы на языке взорвался солнцем вкус холодной мякоти. Лишенная мига гибели, виноградина – всего лишь гладкий цветной камешек. Если бы та, кто держит виноградину в руке, еще не взяв ее в рот, не предвосхищала смятую оболочку и вытекающую на язык сладость жизни, виноград не имел бы вкуса.

Таковыми, если не лгут хроники, были кшештрим и неббарим – бессмертными гладкими камешками, не способными ни радоваться, ни чувствовать, ни отдавать. Конечно, когда они ходили по свету, мой бог был молод. В пору их создания силы его были куда скромнее – настолько, что бессмертные тысячелетиями избегали его руки. Так они могли бы существовать вечно – кроме тех редких случаев, когда их тела взламывали насильно, и мой бог наконец мог запустить пальцы вовнутрь, – но кшештрим зашли слишком далеко. В своем сухом, как пыль, стремлении составить опись всего сущего, познать мир, дабы подчинить его своей воле, они исчерпали терпение неббарим, и те ответили.

Они проиграли – кшештрим сжили их со света, но противостояние двух рас многому научило моего бога. В последовавшие долгие тысячелетия он набирал силу и стал так мощен, что, когда явились мы – когда на беспощадную землю ступили люди, мужчины и женщины, – он уже мог покончить с нами одним щелчком своих неизмеримых пальцев. С кшештрим этот трюк ему так и не дался, но ничего. Мы пришли ему на помощь. Мы открывали ему дорогу,

вспарывая бессмертную плоть бронзой. Кшештрим были камнями, но мы разбили камни, мы соскребли их с лица мира, как прежде они соскребли неббарим.

Мы – не каменные. Наша человеческая кожа тонка, сквозь нее ярко просвечивает жизнь. А смерть? Бог, которому я служу, – он, словно сжавшие нас зубы, обещает сладкую багровую гибель, без которой мы остались бы всего лишь гладкими камешками.

Мои братья и сестры по вере понимают это лучше многих. Мы посвятили жизнь этой истине. И потому в стенах Рашшамбара не иссякают радость, веселье, музыка и, да, любовь. У меня на глазах состарившиеся супруги рука об руку шагали с кроваво-красного обрыва, не разлучаясь даже в миг развоплощения. Я видела, как жены, налив мужу отравленного чая, сами подносят к дрожащим губам глиняную чашу с последней свободой от невыносимой боли. Я видела счастливые лица пар помоложе, когда они украдкой ускользали от всех, и даже сама ощущала намек на то блаженство, слабую дрожь восторга при касании чужих губ.

Но любви не знала.

Не то чтобы меня это тревожило. Я была молода, сильна, горела огнем веры и товарищества с братьями и сестрами. Любовь представлялась приятной закуской, которую можно отложить на потом – на время, когда молодость останется позади.

А потом настал срок Испытания, и прозвучала та песня.

Мой бог великий охотник до музыки. Не застывшие, завершенные образы картин и статуй его прельщают – ему нужна музыка. Музыка неразрывна с самоуничтожением. Каждая новая нота гасит прозвучавшие прежде. Попробуйте удержать все – вы получите безумную какофонию, бессмысленный шум. Песня, как и жизнь, отпускает мгновенье за мгновеньем; начиная, помнит, что придет конец. А из всего разнообразия музыки – скрипок, барабанов, печальных арф и радостных рогов – Ананшаэль избирает человеческий голос, звучание инструмента, вкладывающего в мелодию осознание своей недолговечности.

Неудивительно, что проба в конце ученичества начиналась с песни, но среди всех слышанных в Рашшамбаре мелодий эту от меня утаили – как от всех послушников до начала Испытаний. Внимайте, и вы поймете, как отчаянно я нуждалась в любви.

Из тех, кто прав, из тех, кто не прав,
Из певцов, заплутавших в песни сетях,
По одному отдай, отдай
В его миллионперстную длань.
Торговца смертью жизни лиши,
Бездыханным ему отдай.
Из тех, в ком зреет новая жизнь,
Милосердием острого ножа,
Одну ему отдай.
Одного из знающих имена,
Называющих имена,
Тому, в чьем царстве нет места словам,
Отдай, отдай.
Всех их предай ему в ладонь,
И еще того, из всех одного,
Кому душа и тело поют любовь,
Кто не вернется вновь.

Не знаю, кто сочинил музыку, но это было совершенное двухголосие, где одна мелодия отточенным лезвием прорезала теплую кожу другой. Мне пропели ее Эла и Коссал – мои свидетели в зале Всех Концов, каменном кубе под сводчатой крышей всего с десятков шагов в

ширину. Не зал, а просто комната, освещенная двумя свечами – закрепленными на стенах желтоватыми столбиками толщиной с мое бедро. Алтарей там не было. Алтарями служили их поющие тела и музыка жертвоприношения, переполнившая тесное пространство, где свет плескался, как вода; где ее сочный гортанный голос сплетался с его – сухим и суровым, точно старое железо. Я заплакала – сперва от чистой красоты мелодии, а потом, когда распознала слова, снова заплакала, осознав, что они значат: мой провал. Я уже провалилась, не справилась с великим испытанием веры еще до его начала.

Эта песня – перечень; перечень тех, кого новичок должен принести в дар богу, чтобы стать настоящим жрецом Ананшаэля. На все жертвоприношение от начала до конца будущей жрице отводится четырнадцать дней. Четырнадцать дней на семь жертв. Не такое уж суровое требование для того, кто рос и учился в Рашшамбаре, – но неисполнимое для тех, кто, подобно мне, никогда не знал любви.

Песня отзвучала, а слова все бились в моей памяти: отдай богу того, «кому душа и тело поют любовь».

Эла первой заметила мое смятение, но истолковала ошибочно.

– Понимаю, – сказала она певучим голосом, поглаживая сильной ласковой ладонью мои плечи (ее пальцы были теплыми и в зябкую ночь). – Я понимаю.

Коссал занялся свечами. Кроме двух огоньков, в комнате не было света, а он уже занес мозолистые пальцы, чтобы затушить фитили.

– Дай ей время, старый козел, – обратилась к нему Эла.

Рука жреца замерла, он обернулся. Коссал был в летах, но не сутулился. Его осанка, его высокая жилистая фигура могли принадлежать человеку годами сорока моложе, и только лицо, оливковое под седеющей щетиной, напоминало работу резчика, исчертившего кожу складками и морщинами. В его глазах блестели точки свечных огоньков.

– Времени у нее сколько угодно. В темноте.

– А если ей хочется немного света?

Коссал, немелодично насвистывая сквозь щербину в зубах, перевел внимательный взгляд на меня.

– Если собирается стать жрицей, пусть привыкает к темноте. И нечего переводить воск.

– Нам не только воск случалось переводить, – возразила Эла. – Я задую свечи перед уходом.

Старик еще раз взглянул на меня, потом на свечи, будто ждал от них ответа, и покачал головой:

– И как мы с тобой, Эла Тимарна, ладим? Для меня это неразрешимая загадка.

Смех Элы прозвенел серебряным колокольчиком. У меня на глазах она пробивала кулаком толстый пласт запекшейся на солнце глины, она, взявшись за рога, ломала шею умирающей козе, но свою мощь носила легко. Сплетающиеся под ее смуглой кожей мышцы и жилы могли принадлежать прыгунье, а не убийце. В ней все казалось легким: волосы – тугие черные колечки словно взлетали при каждом движении, руки вечно стремились вверх, указывая на то или на другое, уголки губ всегда готовы были приподняться в улыбке.

– Мы потому ладим, – отвечала она жрецу, подмигивая мне, – что у тебя слабость к молоденьким.

– Молоденькие, смешно сказать, с годами стареют, – хмыкнул Коссал.

– С годами... – повторила Эла, то ли раскрывая объятия, то ли подставляясь под удар. – И долго ждать?

Она взглянула на него искоса, блеснула зубами в отблесках свечей:

– По-твоему, я уже старая?

Эла медленно, как в танце, повернулась кругом, задержалась на миг к нему спиной и завершила движение. Коссал не сводил с нее глаз. Смотрел открыто и прямо, оценивающе, но в его взгляде не было вожделения – ни следа липкой похоти.

Мне подумалось: «Хочу, чтобы на меня кто-нибудь так смотрел – не просто смотрел, но видел».

Но внимание жреца принадлежало только этой зрелой женщине.

– Нет еще, – наконец признал он.

Эла улыбнулась. Оба стояли неподвижно, но сквозняк трепал огоньки свечей, отчего тени их вздрагивали.

– Спасибо. Меня бы несказанно огорчило, будь ты в свои семьдесят моложе меня в мои тридцать пять.

– Я давно распрощался с молодостью, – покачал головой Коссал. – Она мне никогда не была к лицу.

– Что тебе к лицу, мне лучше знать.

Старый жрец снова хмыкнул и обратился ко мне:

– Дам тебе один совет, детка. Неплохо бы тебе к концу Испытания остаться в живых.

Эла обхватила меня за плечи и, заговорщицки их пожав, громко зашептала на ухо:

– Сделай вид, что слушаешь. Советчик из него никакой, но ему так нравится раздавать советы.

Коссал пренебрег насмешкой.

– Смотри не ошибись, отдавая богу того, «кому душа поет любовь». А не то, – он все так же заглядывал мне в глаза, но кивнул при этом на Элу, – она всю жизнь будет тебя изводить.

– Говорю же... – Эла по-прежнему шептала так, чтобы Коссалу было слышно, – ужасные советы. Он проходил Испытание лет за десять до моего рождения.

– Надо было тебя дожидаться, – как бы самому себе проворчал он и, покачав головой, двинулся к выходу.

Эла развернулась так стремительно, что я только задним числом осознала движение, шагнула к старому жрецу и обозначила удар под ребра. Скоростью она не уступала никому из жриц Рашшамбара, но я, раз за разом вспоминая случившееся, дивилась не ее скорости, а неподражаемой легкости, с какой Коссал перехватил удар: поймал запястье и задержал напряженные пальцы в паре дюймов от своего бока. Эла опустила глаза на свою ладонь, горестно покачала головой и с улыбкой коснулась губами его лба.

– Ты и вправду жалеешь, что не задушил меня в колыбели? – спросила она.

Спросила так тепло, словно они были наедине, словно забыла о моем присутствии.

– Так было бы проще, – отозвался Коссал, выпуская ее руку.

– Что проще?

– Задуть свечи, сделав дело, – покачал головой старый жрец. – Немножко света – это неплохо, но сгоревший воск не вернешь.

Коссал шагнул в ночь, и кедровая дверная створка тихо затворилась за ним. Эла еще постояла, глядя на нее; губы она сложила трубочкой, будто собралась насвистать пару тактов знакомой мелодии. Она казалась совершенно спокойной, но я видела, как бьется пульс в жилке у нее на шее – не то чтобы часто, но чаще, чем прежде. И дышала она чаще, грудь под одеждой поднималась и опускалась – уж не знаю, от быстротечной схватки с Коссалом или еще от чего.

– Он тебя любит? – глупо спросила я.

Эла с улыбкой обернулась:

– Что бы этот старый дурень понимал в любви!

– Хоть однажды он должен был любить.

– Однажды? – Жрица склонила голову к плечу, потом, сообразив, кивнула. – А, ты про Испытание.

– Он его прошел. Значит, кого-то любил. Без этого никак.

– Возможно, – ответила Эла и пожала плечами. – Довольно о нем, Ананшаэль уже почти схватил его. Так вот что тебя тревожит? Последний дар богу?

Я колебалась. Правда виделась мне унижительной.

Жрица развернула меня к себе лицом. Одной рукой она взяла меня за плечо, другой приподняла подбородок так, что мне пришлось взглянуть в ее темные глаза. Облачко ее волос светилось в огнях свечей, а лицо терялось в тени. Она была лишь немногим выше меня, но тогда я снова почувствовала себя ребенком, заплутавшим в лабиринте едва знакомых чувств.

– Они всем тяжело даются, – сказала Эла. – Последние строки песни. Даже жрецам Ананшаэля случается забывать, что мы принадлежим нашему богу. А любовь – коварная, пронырливая богиня. Она заставляет верить.

– В любовь?.. – Я осеклась, не в силах выдать больше этого короткого слова.

Эла кивнула:

– Кого бы ни любила, ты веришь, что можешь ее удержать. Или его. – Она пальцем погладила меня по щеке. – Это не так.

Это было слишком. Почувствовав в глазах горячие слезы, я только и сумела мотнуть головой, толкнула кедровую дверь и шагнула в ночную прохладу – из теплого мерцания двух свечей в древний и холодный блеск рассыпанных над головой бесчисленных звезд. Вокруг светились под луной выстроенные из бледного песчаника дома и залы Рашшамбара. Между ними поодиночке и по двое прохаживались люди: болтали, смеялись или молчали. Темноту раскрасил обрывок далекой песни. Я ничего не замечала, я уходила от всего этого, пока могла, – до самого края плоской вершины, где пришлось выбирать: остановиться или упасть.

С обрыва я заглянула в окружающую Рашшамбар пропасть. Конечно, я бывала по ту ее сторону. Я за ней родилась, росла до десяти лет и за прошедшие с тех пор пятнадцать не один десяток раз проходила по узкому каменному пролету, связавшему Рашшамбар с горами и внешним миром. Наша крепость удалена от мира, но вера наша не монашеская, она стремится к проповеди и распространению. Всюду, где живут люди, ступает наш бог: бесшумно шагает по мраморным коридорам власти и по нищим переулкам, посещает затерянные на лесных полянах хижины, и шумные гавани, и многолюдные военные лагеря. Он всех наравне оделяет своей справедливостью. И нам, ее служителям, приходится выбираться в широкий мир. На каждый мой год в Рашшамбаре приходился год за его пределами: то к западу от Анказских гор, то к востоку, но всегда я жила среди людей, изучала их обычаи, надежды и страхи, их нужды. Я жила в Сиа и во Фрипорте, в запутанных лабиринтах Уваши-Рамы и в деревушках на восточной стороне Зеленой Пропасти. Я заводила друзей и знакомых, я тепло вспоминала оставленных на двух континентах любовников, и все же...

Я не услышала шагов Элы, слишком тихо она ступала, но уловила ее запах – жасмина и дыма – в прохладном дуновении пустыни. Она остановилась за моим плечом. А когда заговорила, голос словно окружил меня.

– Казалось бы, пора уже и привыкнуть, – негромко сказала она.

Ее слова были согреты непонятной мне улыбкой.

– К чему привыкнуть?

– К собственной тупости.

– Не понимаю, – покачала я головой, не оборачиваясь.

– Понимаешь. Отлично понимаешь, по крайней мере в том, что касается твоего любопытного... затруднения. Я его не предвидела. – Эла хихикнула. – Каждому застит глаза собственный опыт, а я всегда легко влюблялась.

Я протяжно, неровно выдохнула, все еще глядя в бездну. Мне почему-то делалось спокойнее при виде ее, в шаге от падения. Словно я воочию узрела миллионперстную длань терпеливого, ожидающего меня бога.

– Как это вышло, – спросила я то ли у вставшей рядом Элы, то ли у самой себя, – что за столько лет я... я не...

– Никого не полюбила?

Я онемело кивнула.

– Может, ты разборчивее меня. Поверь мне, Пирр, в притязательности нет ничего дурного. Я как-то влюбилась в крестьянина из предместий Чуболо. От него всегда несло брюквой, а пальцы у него были короткие и шершавые, как хрустящие колбаски. И я не слыхала, чтобы он связал больше пяти слов подряд.

Я повернулась к ней и попробовала представить эту стройную, легкую, смертоносную женщину рядом с пропахшим брюквой огородником. Все равно что вообразить золотистую львицу бок о бок со щетинистым старым бором.

– Почему? – спросила я.

– Да уж, вопрос так вопрос, – снова усмехнулась Эла. – Эйра богиня, а значит, кто бы что ни говорил, она тиран. Передо мной владычица любви не объяснялась.

– Но должно же быть что-то...

– Наверное. Может, дело в том, как он ворочал тот камень.

Я недоуменно покачала головой.

– Я стояла на дороге... – Ее слова зазвучали в ритме воспоминания. – А он расчищал поле. Там был один камень – весом, должно быть, в десять раз больше его, а может, и в двадцать, не знаю, я никогда не училась расчищать полей. Словом, громадный, такой не сдвинешь. Так мне казалось. Он возился с ним целый день, подкапывал своими толстыми пальцами, подкладывал лаги, чтобы перевернуть, сдвигал каждый раз на самую малость. Я впервые видела такой медленный, такой кропотливый труд и говорила себе: «Может, внешне он и не особо хорош, но с мужчиной, способным сдвинуть такую глыбу, стоит познакомиться». Мне захотелось узнать, на что способно такое медлительное, неуклонное, несокрушимое терпение. Мне захотелось стать этим камнем.

Мы с ней обе засмотрелись в темноту. Небо над нами было ясное, звезды кололи иглами, но на севере, за сто миль от нас, весенний ветер сбивал вокруг высочайших вершин грозовые облака. Каждые несколько вздохов прохладную чашу неба раскалывали бело-голубые молнии, хотя гром до нас не долетал.

– И как ты поступила? – спросила я, глядя на Элу: ее лицо осветилось зарницей и снова погрузилось в темноту.

– Провела с ним полгода. В его доме.

– Полгода?..

Я пыталась представить: вот я вижу работающего в поле незнакомца и решаю – только на основании его способности ворочать камни – провести в его доме шесть месяцев. Байка Элы представлялась мне именно что байкой – из тех, что читаешь в книгах или слушаешь у костра. Ткань таких рассказов сплетается наполовину из выдумок, а наполовину из шуток. Только вот Эла не шутила, и заподозрить ее во лжи я не могла. Голова вдруг пошла кругом, как будто плоская вершина горы неощутимо накренилась, чтоб сбросить меня в пропасть. Эла придержала меня за плечо, оттянула назад.

– Как? – спросила я, восстановив равновесие.

– Не так уж трудно было не смотреть на его пальцы и дышать только через рот, – пожалала она плечами.

– Отводить взгляд и дышать ртом – кажется, не самый прочный фундамент для любви.

Женщина захихикала:

– А ты как представляешь себе любовь, Пирр?

Я по-дурацки покачала головой.

– Я и говорю, – помолчав, сказала Эла. – Одним это дается легче, другим труднее. Богиня наделила нас бесконечным разнообразием. Наши затруднения так же различны, как наши лица.

– Однако Ананшаэль установил для всех одно Испытание, – ответила я, не сдержав горечи.

– Иное было бы несправедливо.

Я так прикусила губу, что почувствовала во рту вкус крови.

– Почему мне никто не сказал? Столько лет... я знаю тринадцать способов убить человека деревянной миской. Я выучила яды, которых не видели со времен кшештримских войн, яды, древние как неббарим, если неббарим не выдумка. Я часами висела вниз головой на стропилах и без шума высаживала стекло из оконной рамы. И все это время думала, что готовлюсь, а оказалось... без толку.

Эла пожала мне плечо:

– О, все это пригодится. Даже если отбросить вопрос о любви, тебе еще шестерых предстоит отдать богу.

– Да ведь нельзя же отбросить вопрос о любви! Пусть даже остальных я принесу в жертву в первый же день, – все равно я провалилась.

– Не обязательно. Ты можешь заменить последнюю жертву собой. Мы с Коссалом тебе поможем.

Она говорила ровным голосом, как бы хотела ободрить, но меня ее слова не утешили. Не то чтобы я боялась смерти, все воспитанники Рашшамбара примирились с мыслью о своей кончине. Милость и справедливость Ананшаэля распространяется и на нас. Особенно на нас. Жрица, неготовая стать жертвой, – не жрица, а просто убийца. Я уже тогда это понимала. Меня пугала не смерть, а провал. Я давно привыкла, что мне легко дается наука Ананшаэля; несправедливым казалось споткнуться вдруг на таком неожиданном и непреодолимом препятствии.

– А кто будет судить? – тихо спросила я.

– Судить?

– Да. Любовь или нет. Кто решает?

– А... – Отведя взгляд от безмерности ночи, Эла обернулась ко мне. – Мы с Коссалом вместе.

– А если я солгу?

Жрица поцокала языком:

– Вообще-то, мы рассчитываем на некоторое благочестие испытуемых.

– Все благочестие уложится в грудь тел. Чем меня всегда восхищал наш бог: он не терпит лжи. Если женщину покинула жизнь – ее больше нет. А вот с любовью... – Я досадливо вздохнула. – Ее кто угодно может подделать. Без фальши ее и не бывает.

– Сказала ни разу не любившая девушка.

– Откуда тебе знать? – упорствовала я. – Вот я найду кого-нибудь и скажу, что влюблена, и стану этого держаться – и откуда тебе знать?

– Любовь обладает определенным обликом, прорастает в нас особенным образом. Это между нами.

– Ты жрица смерти или поэт, Кент тебя поцелуй?

Я тут же пожалела о своих словах. Эла была всего десятью годами старше меня, всего десять лет, как сама прошла Испытание, но успела войти в рашшамбарские легенды. В двадцать восемь она, исполняя одно из непостижимых повелений нашего бога, отправилась в Бадрикаш-Раму, проникла за древние несокрушимые стены дворца Вечерних Волн, проскользнула мимо стражи сумерек и задушила старшего из князей манджари. Многие полагали это благочестивое предприятие невозможным, а она следующей ночью вернулась за его братом. И в благочестии такой женщины я усомнилась! Я почти готова была к тому, что она сбросит меня с обрыва. А Эла вместо того захихикала.

– Хотелось бы верить, что одно другому не помеха. И третьему тоже. Ночь в сплетении чьих-то рук не умалит моего преклонения перед богом. Можно держать лезвие у горла женщины... – Неуловимым движением выхватив нож из ножен, она прижала его к моей коже; ее темные глаза сверкнули звездами. – И в то же время никто не мешает тебе ее поцеловать, коли есть охота.

На долю мгновения мне подумалось, что она так и поступит. На долю мгновения мне представилось, что мы не стоим на вершине горы, а плывем в пустоте за ее краем, качаемся на волнах тьмы, или не качаемся, а падаем в неосязаемом скольжении воздуха по коже. Такова истина Ананшаэля: мы умираем – все и всё время. Рождение – это шаг за край. Вопрос только, чем мы займемся в падении.

Казалось, глаза Элы отвечали на мой вопрос, просто я не умела понять ответа. А потом клинок так же мгновенно исчез, скрылся в ножнах на ее поясе. Она не шагнула от меня, но как бы отдалилась, словно между нами разом порвалась связь. Можно было на этом остановиться, просто кивнуть и уйти.

Но я никогда не умела отступать.

– Я не могу стать тобой, – тихо сказала я.

– Этого и не требуется, – кивнула Эла.

– То, что ты называешь любовью, для меня, может, вовсе и не любовь.

– Твои руки... – Эла взяла меня за запястье, подставила мою ладонь лунному лучу, – не мои, но это руки. Твоя любовь – не моя любовь. Это не значит, что я не способна ее увидеть и узнать.

– А если ты ошибешься? Если я полюблю, а ты не узнаешь моей любви?

Она взяла и другую мою руку. Мы стояли на краю пропасти лицом к лицу, словно влюбленные. Мне показалось, ради меня она делает серьезное лицо – так взрослый изображает внимание к разъяренному малышу.

– Тогда, Пирр, я приду убить тебя, а ты защищайся.

1

Обитатели дельты реки Ширван бегло владеют языком моего господа. Из них и самый малый не отличается безобидностью. Обернувшись вокруг тростникового стебля многоножка убивает одним укусом. Как и глазной паук величиной не более моего ноготка. В протоках играют стайки квирн со стальными зубами в длинной, длиннее хвоста, пасти; я видела, как им на съедение – в жертву старинным запретным богам – бросают козла и рыбы превращают тушу в кровавую пену. В дельте обитают крокодилы, помнящие аннурское вторжение; чудища в двадцать пять футов сотнями лет таятся в прибрежных зарослях, и имена самых грозных передают из поколения в поколение: Милый Ким, Плясун, Любимчик... Из всех обитателей дельты им опасен лишь ягуар, что послужило бы нам утешением, если бы этот зверь не любил и человечину. С крокодилами и квирнами нетрудно разминуться. А вот с ягуарами дело безнадежно, с тем же успехом можно убежать от собственной тени.

Первыми слугами Ананшаэля были животные. Задолго до нас по земле рыскали кроважадные хищники, чьи зубы, когти и витые жилы словно нарочно были созданы кому-то на погибель. До первой ноты человеческой песни музыка звучала в вое голодных глоток, в ритме переступающих по лесной почве лап и в светлых предсмертных воплях, а затем в молчании, без которого все прочие звуки лишаются смысла. Служение зверей грубо и неразборчиво, зато чисто.

Я вспомнила об этом, когда на двадцать первой миле деревянной переправы через дельту ее крепкие сваи вдруг застонали под порывом ветра. До той минуты все было тихо, словно на картине, и доски под ногами представлялись надежными, как каменный уступ. Теперь же

настил пошатнулся, и люди вокруг – пешеходы и погонщики мулов, жестянщики и возчики – принялись беспокойно поглядывать вниз, в струи течения. Тревожные шепотки прорастали грибами после дождя. Кто останавливался, кто ускорял шаг, не ведая, что спешит в распахнутые объятия Ананшаэля.

– Здесь всегда так? – спросила Эла, обернувшись ко мне.

Она не выказывала тревоги. Не выказывала ни разу за тысячи миль пути от Рашшамбара. Мы с рассвета шагали по подвесной тропе, и все это время она напоминала вышедшую на летнюю прогулку даму в легких сандалиях и ярком шелковом ки-пане, с красным зонтиком из воощеной бумаги за плечом. В первые дни пути ее снаряжение представлялось мне непрактичным. Однако сомнения скоро сменились завистью – в жаркие дни короткое платье дарило ей желанную прохладу, зонт в грозу защищал голову и верхнюю половину тела, но вода свободно сбегала по длинным голым ногам и вытекала сквозь сандалии.

– Не помню, – призналась я. – Я здесь пятнадцать лет не бывала.

Ветер рванул снова, прошелся граблями по камышам, выбил скрип из толстых смоленых опор. Доски под ногами задрожали.

Коссал шагал как ни в чем не бывало – босиком, в том же буром балахоне, в котором вышел из Рашшамбара, неизменно равнодушный к дождю и граду, к размытой дороге и даже к молчаливо раскинувшейся под нами и до края окоема дельте реки Ширван.

– Люди, похоже, беспокоятся. – Эла показала пальцем на окружавшую нас толпу.

Так оно и было. Впередиидущий носильщик с корзиной согнулся чуть не вдвое и ускорил шаг, бормоча что-то похожее на молитву. Еще подальше торопила мужа какая-то женщина – указывала на восток, где в небе собирались жаркие белые облака. У меня и у самой непривычно частило сердце – с чего бы?

За долгие годы в Рашшамбаре я примирилась со своей недолговечностью. Милость и справедливость нашего бога не пугали меня. Я научилась смотреть в лицо будущему небытию равнодушно, если не с радостью. По крайней мере, мне так казалось. Но на этих ненадежных скрипучих мостках, протянутых к местам моего рождения, во мне пробудился ребенок, чьи чувства крылись глубже религиозных прозрений. Да, разумом я сохраняла спокойствие перед взбирающейся по шаткой лестнице паникой окружающих, но телом возвращалась в прошлое – самими костями и кровью я узнавала густой запах ила и соли в знойном воздухе.

– Признаться, мне было бы обидно, – заметила Эла, – окажись это чудо аннурской инженерии не таким уж чудесным.

– Раньше смерти не умрем, – пожал плечами Коссал.

– А все же, – рассуждала Эла, – в конце этих мостков нас ждут лучшие постели и изысканное сливовое вино Домбанга. Жаль будет, если не дождутся.

– Ты же понимаешь, – оглянулся на нее старший жрец, – что Рашшамбар не для того снабдил тебя монетами, чтобы ты растрчивала их на роскошь и праздные забавы.

– Вся наша жизнь – праздная забава, Коссал. И я, пока не ушла к богу, намерена при каждом случае наслаждаться винами и мягкой постелью, хорошо бы в обществе нагого красавца.

Жрец не успел ответить: ветер, словно задавшись целью развеять ее надежды, так ударил по переправе, что пошатнулся весь мир. Мужчины и женщины взметнули в небо вопли, и десяток ярких выпелов бешено забились над теснящейся, орущей толпой, когда четверть мили помоста под нами с треском отломилась и, накренившись к западу, рухнула.

Мягкое приземление – в воду и в ил – могло бы утешить кого другого. Домбангские рыбаки, упоминая усопших – как бы те ни умерли: в своей постели, за столом в таверне или от ножа в узком переулке, – описывали процесс одними и теми же словами: «опрокинул лодку». Народная мудрость говорила, что в водах дельты без лодки смерть.

Конечно, эта истина оправдывалась не всегда. Забавно, как часто она ошибалась. За границами Домбанга обитали в дельте вуо-тоны. Да и горожанам случалось уцелеть. Я запомнила,

как на своих ногах вышла из дельты Чуа Две Сети – вся в крови, но живая. И все же такое случилось не слишком часто...

Все вышеизложенное наводит на мысль, что дельта реки Ширван – совсем не подходящее место для города, но потому-то город здесь и вырос. Рассказывали, что первопоселенцы Домбанга, попавшие в край высоких, как дома, камышей тысячи лет назад, пришли не рыбачить и не любоваться закатами – они скрывались. Под конец древней войны с кшештрим они бежали и забились в камышовые заросли. Те кшештрим – прожившие на земле пять и более тысяч лет, – что пытались их догнать, погибли. Их могли убить змеи и крокодилы, квинры и тростниковые копья, но предание говорило иное – рассказывало о божествах в облике человека, только быстрее и сильнее, и к тому же немыслимо прекрасных. По легенде, боги покончили с кшештрим, и потому выжившие на зыбкой грани существования люди стали приносить им жертвы. И тысячи лет с тех пор что-то хранило народ Домбанга. Под той защитой деревушка выросла в городок, городок – в большой город среди убийственной и спасительной дельты.

А потом пришли аннурцы.

При вторжении империя проявила обычную для нее дерзость мысли и тупое упорство. Вместо того чтобы отыскивать потаенные тропы среди тысяч смертельно опасных протоков, аннурские легионы встали лагерем на северном берегу и взялись за строительство.

Чтобы возвести переправу, свалили миллион деревьев; их порой доставляли за сто миль. Погибло десять тысяч солдат – одних одолели болезни, других покусали змеи; кого-то съел крокодил или сожрали стаи квинр, а кто-то... просто сгинул в изменчивых лабиринтах тростниковых и камышовых зарослей. Народ Домбанга не зря полагался на богов дельты – те и в этот раз пытались их защитить. Но, к ужасу горожан, аннурцы, невзирая на потери, попросту продолжали строить. Когда их командующему сообщили, что мир не знал подобного сооружения, он пожал плечами: «Я и раньше был невысокого мнения о мире».

И боги в конце концов сдались.

Когда сожгли или отдали водам все тела, когда сокрушили древнюю веру Домбанга, когда завоеватели перекроили старые обычаи на свой лад, осталась переправа – сорокамильное копье, вбитое в сердце города. Солдат на ней сменили возчики и погонщики мулов. Оружие покорения теперь служило обычной жизни. Возвышавшиеся на пятнадцать футов над заросшими водами мостки были для пешех и конных единственной безопасной дорогой через гибельные разводья. Были – пока не рухнули.

Я не стала подражать людям, которые цеплялись за обвалившийся пролет, а на полпути к воде прыгнула за перила подальше от падающих тел и бьющихся в панике мулов. На твердую землю я бы приземлилась удачно, а тут ноги ушли в топь по колено. Я попыталась вытянуть их – не сумела. Холодное перышко страха, общего для всех попавших в ловушку созданий, погладило мне спину. В пожаре воплей, среди тонущих в грязи раненых людей и выючного скота кто-то пытался помочь, кто-то – бежать, уползти по илистым отмелям к любимым или к спасению. Усилием воли я приковала свой взгляд к мужчине, который, увязнув по бедра в протоке, все бился и бился, пока наконец не смялся, будто бумажный человечек.

«Не будь такой, – сказала я себе. – Если встреча с богом назначена сегодня, уйди красиво».

Эта мысль отрезвила меня. Какие бы детские страхи ни засели в моих костях, я давно повзрослела. Смерть еще не занесла жало, так чего мне страшиться?

Я снова занялась собой. На этот раз действовала медленно и обдуманно. Ноги крепко увязли, но обнаружилось, что они чуть скользят в кожаных штанинах. Распустив пояс, я сумела немного вытянуть ноги, но дальше ткань изнутри зацепилась за пристегнутые к бедрам ножи.

Хоровые вопли у меня за спиной перешли в визг. Оглянувшись через плечо, я увидела, что по протоке бесшумно скользят полдюжины крокодилов – над мутной водой выступали

только спины и глаза. Один нырнул, и тут же женщина, в панике баламутившая воду, с последним ошалелым визгом скрылась под водой.

«Не спеши, – велела я себе и, запустив руку в штаны, по одному вытащила ножи и разложила их перед собой на вязкой тине. – Не спеши».

Избавившись от оружия, я смогла продвинуться дальше. Наклонилась, запустила в ил пальцы и мало-помалу, как змея из старой шкурки, выскользнула на свободу. Конечно, свобода еще не означала безопасности.

Обвалившаяся часть переправы сбросила в трясину более сотни людей. Из них добрая половина завязли и бились, истекали кровью, орала – иными словами, всеми способами привлекали самых жадных хищников дельты. Будь я одна, попробовала бы тихо и медленно выбраться на безопасное место, но нас уже окружали крокодилы, и змеи пробовали воздух быстрыми раздвоенными язычками, так что на «тихо и медленно» не осталось времени. В двух шагах от меня ленивые воды протоки уже поржавели от крови.

Выход был очевиден. Пролет упал боком, обломки опор торчали, как сломанные ноги, остатки перил на западной стороне ушли в ил и скрылись в камышах, а восточные легли плашмя и походили теперь на мост без настила. Мне до них было футов пятнадцать, зато, если преодолеть это расстояние и выбраться на перила, до уцелевшей переправы осталось бы всего сто шагов. На эту сотню шагов приходилось с десятков проломов, но и то было лучше, чем месить грязь или пускаться вплавь по извилистым протокам.

Шаря глазами по образовавшемуся мосту в поисках удобного пути, я обнаружила, что мои свидетели уже там. Коссал стоял на перилах, скрестив руки на груди. Эла сидела на бревнах верхом, болтая ногами. Она пристроила на плече раскрытый зонтик, укрыв лицо от солнца. Старший жрец указал на меня – Эла прищурилась, улыбнулась и помахала мне рукой. Словно выбрались на пикник или на концерт под открытым небом, а жуткие вопли были лишь какофонией настраивающего инструменты оркестра.

Эла весело махала рукой, и сквозь сумятицу криков ко мне долетели ее слова:

– Ну что ты там, Пирр? Идем уже!

Я подобрала ножи и приладила их к голому бедру. Выбравшись из штанов, я осталась в подштанниках, но исподнее – плохая защита от змей и крокодилов. Лучше было поскорей выбраться из болота, а значит, предстояло пройти напрямик через кучку увязших в иле между мной и мостками людей.

Два крокодила подбирались к ним с юга. Одна женщина – тонкая как тростинка – свирепо колотила четырехфутовым обломком жерди, отгоняя животных, а двое мужчин тем временем тянули из трясины еще одну спутницу. Пока ей удавалось отбиться, но ясно было, что долго она не продержится. Тот крокодил, что поменьше, уже отвернул, подбираясь к ней сбоку. К тому же женщина, стоявшая выше колена в кровавой жиже, так увлеклась крокодилами, что забыла о прочих опасностях дельты.

Я обогнула ее сзади, нацелившись на ближайший участок переправы в обход этих четверых, чтобы меня не втянуло в заваруху. И только оказавшись вблизи обломившегося пролета, осознала, как высоко торчат перила. На переправе могли разъехаться две телеги, и когда широкий настил опрокинулся набок, он, даже частично уйдя в ил, образовал стену в два моих роста.

Вопли на западе взметнулись выше прежнего. Я покосилась туда: двое брели по отмели, стремясь, как и я, к спасительным мосткам. Третий, отставший, упал на колени, разинув рот в ужасающем вое. Вода вокруг вскипала красноватой пеной.

– Квирны! – вскрикнул кто-то, будто, назвав рыб по имени, мог отогнать стаю.

Первый несчастный зачем-то потянулся к своим товарищам, которым некогда было оглянуться, а потом ушел в мокрую могилу, смешав свои вопли с общим хором. Еще мгновение, и рухнул в протоку еще один и еще – тех, кто не успел выбраться на илистую отмель, пожирала одного за другим.

Мне, к счастью, не было нужды пересекать протоку, а вот с деревянной стеной надо было что-то делать. Из разлома торчали несколько досок, обещавших занозистую и ненадежную опору для рук и ног. К сожалению для меня, совсем рядом отбивалась от крокодилов женщина с жердью.

– Пирр! Ты поднимаешься или как?

Я подняла глаза на Элу, улыбающуюся мне из просвеченного лучами круга зонта.

– Могла бы сбросить мне веревку, – сказала я.

Она расхохоталась, словно над замечательной шуткой.

– Нет веревки. К тому же так неинтересно.

– Ты не забыла, – брюзгливо добавил Коссал, – что впереди у нас сегодня еще пятнадцать миль? Веревка была бы ни к чему, удержишься ты на мосту.

Последнее замечание прозвучало с такой укоризной, будто я нарочно свалилась в протоку.

– Вольно вам идти без меня, – огрызнулась я. – Я догоню.

– Ты его не слушай, – покачала головой Эла. – Мы не прочь подождать. Такое чудесное утро.

Несчастное дурачье в шаге от меня с ней бы не согласилось. Они, спасая подругу, только сами влипли хуже прежнего. Один из мужчин – длинноволосый, с прямым подбородком, тонкий в талии, – не выпуская запястья тонущей девушки, поймал мой взгляд.

– Помоги! – выдохнул он. – Пожалуйста.

Грязь уже поднялась ему до колена и подползала выше. За его плечом женщина с палкой проигрывала сражение. Яростные выпады не помешали крокодилам оттеснить ее к остальным, да еще при каждой возможности отхватывать зубами конец деревяшки. Женщина сдавала. Она и до сих пор держалась на одном отчаянном упрямстве.

– Пирр, – позвала сверху Эла. – Бог здесь справится без тебя.

Я на миг замерла, уставившись на бьющихся за свою жизнь людей. А потом покачала головой:

– Нет. Рано.

Мое решение не подобало служительнице Ананшаэля. По правде сказать, мне не было дела до тяжести его нависшей над нами руки. Мой бог присутствует всегда и всюду. И я ничего не имела против крокодилов, этих великолепных зверей, вполне достойных звания божьих посланцев. Меня растревожила не сама борьба, а бессмысленность этой борьбы. Мы, жрицы, забираем жизнь быстро и чисто. Если этим людям назначено умереть, пусть умрут. Если им назначено сражаться, пусть сражаются. А они вместо того застряли не там и не здесь, в безнадёжности, принадлежавшей не Ананшаэлю, а страху и боли. Страх и боль были слишком памятны мне с детских лет. Я и к богу обратилась, чтобы уйти от них.

– Ложись, – велела я, указывая на трясину перед увязнувшей женщиной.

Мужчина тупо вытаращил глаза.

– Ложись, – повторила я. – Ты тонешь, потому что ступни маленькие. Живот большой. Ляг плашмя, пусть она выбирается по тебе.

Он быстро сообразил, кивнул и, с громким чмоканьем вытянув ноги из ила, растянулся перед утопающей ничком. Второй, тоже высвободившись, сел другу на спину и с этой более надежной опоры стал дюйм за дюймом вытягивать спутницу из жестокой хватки реки. Женщина между тем попала палкой прямо по носу крокодилу, вынудив его отступить. Второй, почуввав неудачу, погрузился глубже в воду.

– Тащите ее! – не оборачиваясь, крикнула женщина. – Тащите, чтоб вас!

– Еще немного, – пропыхтел лежащий в грязи. – Ты как, Бин?

Женщина с палкой – видимо, Бин, – упершись руками в колени, глотала воздух. Ей сейчас было не до ответа.

– Бин! – Голос лежащего сорвался от накатившего страха. – Ты цела?

Он, почти уткнувшись лицом в грязь, не мог ее видеть.

– Цела, – ответила я за нее. – Она их отогнала.

– Есть! – выкрикнул второй, когда грязь отпустила увязшую девушку. – Вытянули, Бин.

Порядок. Уходим!

– Сюда. – Я указала им на мостки.

Они растерянно застыли, затерялись в лабиринте паники. Объясняться было некогда.

– За мной!

Я повернулась к обломкам досок и полезла вверх.

Стопы и ладони в скользкой грязи предательски срывались даже с самых надежных опор. Местами мне приходилось повисать на кончиках пальцев. Дважды доски с яростным скрипом обламывались, и я еле успевала перехватиться. Опуская взгляд, я видела лезущую следом девушку – ту, что чуть не утонула. Глаза как блюдца, на шее и на спине вздулись жилы. Едва ли ей за всю жизнь приходилось карабкаться куда-то без лесенки, но страх придает сил, а оторвавшиеся под моими ногами доски облегчали путь тем, кто следовал за мной.

– Уже недалеко! – крикнула я.

Женщина встретила мой взгляд, кивнула и полезла дальше.

Мы почти выбрались. Нет, здесь нужно другое местоимение.

Я выбралась, и девушка, и карабкавшийся за ней мужчина. Пока они лезли вверх, двое других – тот, что ложился в грязь, и Бин – лупили палками подползающих крокодилов. Долго они бы не продержались, но этого и не требовалось. Им только и нужно было выиграть время для товарищей, а потом женщина полезла вверх, а мужчина с обломками досок в каждой руке остался отбиваться от хищников. Крокодилы немного попятились, и тогда он, швырнув слабосильное оружие им в рыла, развернулся и тоже стал подниматься.

Я смотрела с перил, еще тяжело дыша от усилия.

– Что ж... – Эла обняла меня за плечи. – Для служительницы Ананшаэля ты сегодня сделала весьма своеобразный выбор.

Я только помотала головой, не находя объяснений.

Крокодилы внизу скрежетали зубами и взбивали хвостами воду.

– Давай, Во! – проревел мужчина рядом со мной, склоняясь к своим. – Еще чуть-чуть! Бин, не останавливайся!

Бин была уже рядом, рукой подать. Она и протянула руку, но тут оторвалась доска, за которую она цеплялась. Она еще зависла на миг, будто на невидимом канате, а потом запрокинулась назад, упала с протяжным воплем. Приземлилась неудачно: застрявшая в грязи нога вывернулась не в ту сторону. Крокодилы, словно одним движением в групповом танце, обратились к ней.

– Дорогу миллионперстому богу, – пробормотала Эла.

Второй, Во, обернулся. Я успела заметить мелькнувший на его лице ужас.

– Вставай, Бин, – взмолился он. – Поднимайся!

И, увидев, что ей не встать, прыгнул сам.

– Неблагодарумно, – заметила Эла.

– Пока палимся на эту бестолковщину, в Домбанг не доберемся, – крикнул Коссал.

– С каких пор труды нашего бога стали «бестолковщиной»? – спросила, обернувшись к нему, Эла.

– Наш бог трудится повсюду и непрерывно, – ответил Коссал. – Будешь задерживаться у каждой умершей в полете мошки? Останавливаться всякий раз, когда сеть вытаскивает из воды пару рыбин?

– Не занудствуй. – Эла пихнула его локтем в грудь. – Это по меньшей мере поучительно.

– Мне ни к чему учиться умирать в зубах ящерицы-переростка.

– Не для тебя, старого козла, а для Пирр.

Эла кивнула на длинноволосого, который умудрился найти опору в глубокой коварной трясине.

– Вот это, – улынулась она, – и есть любовь.

– Это глупость, – буркнул Коссал.

– Иногда их разделяет слишком тонкая грань, – пожала плечами Эла.

Пусть грань и была тонкой, живописцы и скульпторы веками умудрялись смотреть на нее лишь с одной стороны. Художники передавали образ любви деликатно – через пухлые губы, смятые постели, изгибы нагих бедер. Крокодилы у них определенно встречались реже. И воплей было куда меньше.

– Ты бы сразился с крокодилом, чтобы меня спасти? – снова толкнула Коссала Эла.

– Ты жрица Ананшаэля, – бросил Коссал. – Полагаю, приняла бы зверя с распростертыми объятиями.

– А он что-то не спешит, – отметила Эла.

Во тоже приземлился неудачно. Сам он не пострадал, но потерял доски, которыми отгонял животных. Два крокодила уже подбирались к раненой девушке. Безоружный Во, обжигая глотку воинственным криком, прыгнул на них. Не знаю, как он очутился на спине ящера, как избежал огромной жадной пасти. Зверь забился, в пену взбил воду, но мужчина держался, обхватив его за шею и прижимаясь лицом к блестящей мокрой шкуре.

– С ними так и сражаются, – сказала я. – Заходят сзади, взбираются на спину. Одной рукой за шею, другой ножом...

– У этого ножа нет, – напомнила Эла.

Бин сумела вырваться из трясины, подтянулась на берег протоки, подальше от свирепствующих хищников, но и от мостков тоже. Ее спутники, стоявшие со мной рядом, заорали.

– Нож я ему дам. – Я вытянула один из висевших на бедре.

– Даром пропадет, – проворчал Коссал.

– У меня еще много.

Клинок с влажным хлопанием вошел в грязь острием вниз, прямо под руку сцепившемуся с крокодилом мужчине. Тот, увлеченный схваткой, не заметил. Сталь блестела на полуденном солнце, но он крепко жмурил глаза. Ослепшая от ужаса Бин сорвалась в воду. Никто не увидел моего броска. Все смотрели на сражение под мостом.

– Беру свои слова обратно, – сказал Коссал.

Эла улынулась до ушей.

– Невиданное дело! – Она вдруг подозрительно прищурилась. – Какие именно слова ты берешь назад?

Коссал указал на мужчину: крокодил как раз в этот миг сполз в воду и стал уходить на глубину.

– Очень поучительный образчик любви.

– Любовь – это когда прыгаешь с моста, спасая женщину, – наставительно пояснила Эла.

– Любовь, – возразил Коссал, – это когда кидаешься на смертельно опасного зверя, а потом уж понимаешь: раз схватил, уже не выпустишь. Или он, или ты.

Он проговорил это, не глядя на Элу, но она взяла его под руку и проворковала:

– Уж конечно, я гораздо привлекательнее и любезнее крокодила.

– Самую малость.

Зверь оставался под водой три удара сердца, пять, десять ударов. Вода в том месте, где он нырнул, кипела, будто на дне развели большой костер. Сорвавшаяся в воду Бин упала на колени, и ее вопли взвились на новую высоту. По мутной бурой воде вокруг нее стало расплываться красное пятно.

Крокодил встал в воде дыбом, сбросил человека со спины на берег. Во заметно обессилел, с головы и с плеч стекала кровь, рубаха изорвалась, но он еще не сдался.

– Я иду! – крикнул он женщине. – Просто дотяни до моста, и все будет хорошо!

– Нет, – провизжала она. – Они до меня добрались. Мне конец. Конец!

– Я с этим разберусь, – покачала я головой.

Коссал обратил ко мне испытующий взгляд.

– Звери земли и вод служили нашему богу задолго до нас, – произнес жрец.

– И правила Испытания должно соблюдать, – напомнила Эла.

Мои клинки взлетели, не дав ей договорить. Один вошел точно в грудь женщине, другой рассек горло мужчине и с плеском ушел в грязь.

– Жертвы Испытания назначены песней. – Коссал обратил ко мне серьезное лицо. – Выйти за ее пределы равно провалиться.

Я покачала головой:

– Она сказала, что ей конец, – и была права. Он сказал, что идет к ней, – и ошибся.

Коссал поднял бровь, а Эла просто расхохоталась:

– Полагаю, нас ждет восхитительная прогулка!

Глядя в кровавую грязь, слушая сотрясающие воздух вопли и бой собственной крови в ушах, вспоминая прежние чувства, которые считала вытравленными и забытыми, я едва ли могла с ней согласиться.

2

– Я нахожу все случившееся большой удачей, – объявила Эла по пути на юг через разбитую переправу.

– Удивительны пути бога, – кивнул Коссал.

– Я не про бога, – ответила Эла и застенчиво покосилась на меня. – Я про манеру Пирр одеваться.

– В таком случае я промолчу, – буркнул жрец, которого никакая толкотня вокруг не могла сбить с шага.

Одни бешено пробивались к месту катастрофы, снова и снова выкрикивая имена любимых; другие так же отчаянно проталкивались в обратную сторону, подальше от беды. Коссал держался так, словно шел один: легко преодолевал проломы, путь расчищал непринужденными и расчетливыми ударами под колено или по ребрам. Когда помеха ему особенно досаждала, он, не слушая воплей, скидывал человека за перила и преспокойно ступал на освободившееся место. Мы скрывались, растворялись в толпе прежде, чем кто-либо успевал осознать случившееся.

– Не притворяйся! – прищурилась на жреца Эла. – Тебе не меньше моего хотелось бы, чтобы она нашла любовь.

– Чего бы мне хотелось, – ответил Коссал, коротким ударом деревянной флейты сбивая с ног визжащую женщину и переступая через нее, – так это тихой комнатки и крепкой выпивки. От этого переполоха голова разболелась.

Эла, покачав головой, доверительно обратилась ко мне:

– Безнадежен. Он не признает романтики, хоть бы она стала шарить теплым пальчиком в его заднице. Но ты мне поверь... – она обвела рукой мою фигуру, словно представляла собравшимся, – по сравнению с твоими мешковатыми штанами так гораздо лучше.

– Без штанов, – покивала я. – Зато по уши в грязи.

Впрочем, никому не было дела до моего одеяния. В полумиле за нашими спинами погибали сотни людей. Погибали или уже погибли. В другое время все разинули бы рты при виде облепленной грязью женщины в подштанниках с пристегнутыми к плечам и бедрам ножами,

а сегодня я, не самая интересная из жертв катастрофы, являла собой разве что вставной номер в представлении.

– По мне, лучше грязной и без штанов, чем в мокрых, – ответила Эла. – В твоём прежнем наряде на тебя никто бы и не оглянулся.

– Я думала, что и не должна привлекать внимания.

– Ты Коссала меньше слушай, – поцокала Эла языком. – Да, он стар, но знает далеко не все.

Мимо нас протолкались трое в кольчугах и зеленых накидках-надоспешниках. Во все горло проклиная толпу, они спешили на север, к обломившемуся пролету. На бедре у каждого висел короткий меч, но мужчины не спешили их обнажать, прокладывая дорогу тяжелыми дубинками.

– Зеленые рубашки, – буркнула я. – Как всегда, опаздывают.

– Городская стража? – уточнила Эла, прищурившись.

Я кивнула.

– То-то я вижу, знакомая форма, – заметила она. – В прошлый раз, как была в этих местах, я двух таких отдала богу.

Еще с десятков потных бранящихся стражников двигались за передовыми: дорожные станции зеленых рубашек были расставлены на переправе через каждые десять миль, а патрули прохаживались по всей ее длине. Грозной силой их не назовешь: после аннурского вторжения двухсотлетней давности орден, почитай, выпотрошили, и все равно у меня при виде их поджались мышцы живота. Говорят, всякий ребенок однажды становится взрослым, но это не совсем так. Ребенок не исчезает совсем. Во мне жила прежняя девчонка, чумакая запрудная крыса, шарившая по самым вонючим протокам Домбанга и сжимавшаяся в комок при виде этих рослых мужчин – мужчин, которых я теперь умела на сто разных ладов отдать богу. И я невольно ускоряла шаг, отводила глаза, особенно остро ощущая перед ними свою наготу.

– Пожалуй, мне есть что им сказать, – произнесла Эла, поразмыслив. – Не хочу никого судить, но должен же кто-то время от времени проверять состояние переправы. Убеждаться, что она не провалится.

– Они и проверяют, – сказала я. – Проверкой опор занято целое отделение зеленых рубашек.

– Не сказать чтобы они хорошо справлялись, – оглянулся на нас Коссал.

– На всю длину у них людей не хватает.

– Много ли нужно, чтобы заметить подгнившее дерево?

– Тут не гниль, диверсия, – мотнула я головой.

– Диверсия? – подняла бровь Эла. – Восхитительно. Сгнившие сваи, по мне, скучноваты.

– А как тебе мятеж?

– Еще увлекательней, – пожала она плечами.

– Они все не унимаются? – хмуро спросил Коссал. – Сколько лет прошло с аннурского завоевания, двести?

– Чуть больше.

– Казалось бы, достаточно, чтобы местные мракобесы признали свое поражение.

Я взглянула ему в глаза:

– А тебе бы сколько времени понадобилось?

– На что?

– Чтобы отказаться от своего бога.

Он не отвел глаз:

– Я откажусь от Ананшаэля не раньше, чем живое перестанет умирать.

Ответить я не успела – гомон за нашими спинами прорезался криком. Мы уже выбрались из самой давки, и я, оглянувшись через плечо, увидела, что десяток зеленых рубашек завернули

обратно и с угрюмыми лицами прочесывают взглядами толпу. Дубинки они сменили на мечи – дурная примета. Перед ними, тыча в меня пальцами, шагали мужчина и девушка, которым я помогла выбраться на обломки переправы, – друзья Бин и Во.

– Вот она! – в один голос выкрикнули они.

Так совпало, что их голоса разошлись точно на октаву, составив стройное музыкальное созвучие. Мужчина побежал ко мне.

– Вот убийца!

– Убийца... – покачала головой Эла. – Отвратительное слово.

– Надо было швырнуть их крокодилам заодно с друзьями, – недовольно вздохнул Коссал.

– Я думала, они не заметят, – сказала я, чувствуя, как скрутило живот.

Это прозвучало просто смешно, но и правда эти двое, когда я метала ножи, на меня не смотрели. Они заполошно орали, уставившись на взбаламученную кровавую грязь под мостом. Разинутые пасти крокодилов куда больше бросаются в глаза, чем рукояти скромно воткнутых в грудь ножей, и ни один из двоих выживших не оглянулся на меня, когда упали их друзья. Мне казалось, они еще не верят горестному зрелищу и ничего кругом не замечают.

Мы с Элой и Коссалом оставили их рыдать над погибшими. Мы умудрились пройти по тонущему в грязи пролету, перепрыгивая прорехи в настиле и тщательно сохраняя равновесие на одиночной балке перил: неверный шаг грозил падением в илистые заросли камышей, где до сих пор бились за жизнь упавшие раньше. Бились и большей частью терпели поражение. Добравшись до уцелевшего пролета, мы увидели впереди многотенную толпу. В основном люди бестолково гомонили и тыкали пальцами, но кто-то все же додумался спустить сверху веревку. Коссал поднялся первым, за ним – я и Эла (сложенный зонтик весело раскачивался на лямке ее заплечного мешка). Мы нигде не встретили тех двоих, оставшихся на обрушенном участке. Как видно, с тех пор они нас догнали.

Лицо мужчины перекосила горестная ярость, но что-то в нашем облике заставило его замедлить шаг и отступить за спины зеленых рубашек. Не понимаю, что страшного он в нас увидел. При мне, правда, было несколько ножей, но выглядела я словно только что сбежала из публичного дома через выгребную яму. Эла крутила на пальце сложенный зонтик, а Коссал, морщась, постукивал по ладони своей флейтой.

– Бог сегодня жаден, – пробормотал он.

– Нам их не перебить, – покачала я головой, вытирая потные ладони о грязную сорочку.

– Шестерых стражников и двух ошалелых придурков? – Жрец поднял кустистую бровь. – Тут и одна Эла справится.

– А как насчет шести стражников, двух ошалелых придурков и одного потертого старого жреца? – отозвалась та, тыча его в бок зонтиком.

Коссал небрежно, не отводя взгляда от подступивших на двадцать шагов зеленых рубашек, отбил удар. Стражники замедлили шаг, а их коренастый начальник настороженно взглянул на нас и сжал пальцы на рукояти меча.

– Я уже приступила к Испытанию, – напомнила я. – Мне нельзя убивать тех, кто не упомянут в песне.

– Ты с утра уже потрудилась, – ответил Коссал. – Этими займемся мы.

– На мосту сотни людей, – прошипела я, – и все сейчас смотрят на нас. Если ты отдашь богу этих, зеленые рубашки станут ловить нас по всему Домбангу. Придется прятаться по чердакам.

– На чердаках тихо и спокойно, – пожал плечами Коссал.

– Нет! – Я отчаянно замотала головой. – Зеленые рубашки мне нужны.

Мы с Элой и Коссалом покинули Рашшамбар больше месяца тому назад и успели потолковать обо всем на свете, от черничного варенья до применения удавки, но о своих планах на Испытание и вообще о Домбанге я помалкивала. Отчасти потому, что еще не продумала всех

деталей. А больше потому, что боялась: сказанное вслух спугнет надежды, колыхавшиеся в глубине моего сознания наподобие медуз, – они, как медузы, могли скукожиться и протухнуть, очутившись на воздухе. Словом, я ни разу не упомянула, как рассчитываю на зеленых рубашек.

Коссал вопросительно поднял бровь, но объяснять было некогда. К счастью, мне на выручку пришла Эла.

– Никаких чердаков! – заявила она. – Я требую вина и танцев.

– Танцуй на здоровье, – бросил Коссал, указывая ей на подступающих мужчин.

– Предоставьте их мне, – проговорила я, вложив в голос побольше уверенности.

Мне было странно и непривычно полагаться не на ножи. С тех пор как ребенком оставила Домбанг, я шла по жизни с утешительной мыслью, что мой бог – молчаливый, невидимый, но бесконечно терпеливый – стоит прямо у меня за плечом в готовности забрать всякого, кого я отмечу ножом. Сегодняшняя бойня на мосту представила щедрые доказательства, что бог по-прежнему здесь, со мной в своем непостижимом труде, но правила Испытания запретили мне взывать к нему. И среди толпы, рядом с Коссалом и Элой, я почувствовала себя одинокой.

Двигаясь навстречу зеленым рубашкам, я старалась подражать непринужденной грации Элы. Давалось это нелегко. Сколько себя помню, я черпала уверенность в бою, в ноже под рукой, в сознании своей искусности. Без оружия я чувствовала себя неловкой и неуклюжей. Не делалось легче и оттого, что вместо шелкового ки-пана я была одета в грязное исподнее и рваную сорочку.

«Ты жертва, – твердила я себе, – как все вокруг. Так же перепугана и растеряна».

Эту роль я тоже оставила за спиной, простившись с Домбангом, и возвращалась к ней без всякой охоты.

– Стоять! – приказал начальник зеленых рубашек, нацелив на меня острие меча, когда я приблизилась на два шага. – Ни с места!

Не обращая на него внимания, я с распростертыми объятиями кинулась к своим обвинителям.

– Вы живы!

Перемазанный в грязи мужчина был готов к бою или к погоне, но не понимал, что ему делать с моими неожиданными объятиями.

– Слава Интарре! – восклицала я, прижимаясь щекой к его плечу.

Меня схватили, попытались оттащить, но я держалась крепко.

– Живой, – снова забормотала я и с удивлением почувствовала подступившие к глазам слезы.

– Отцепись, – потребовал мужчина, сумев наконец оттолкнуть меня.

Зеленые рубашки обступили нас редкой цепью. Они явно не знали, махать мечами или вложить их в ножны.

– Какого хрена? – возмущенно спросил старший, опустив оружие и шагая к нам.

– Такой ужас! – Я повернулась к нему, заговорила тонким голосом, постаравшись сделать его и боязливым, и умоляющим. – Ужас. Мы отбивались, но крокодилы, они... сильнее...

– Она их убила, – не сводя с меня взгляда, произнес мужчина.

– Я старалась, – всхлипнула я, повернувшись к нему. – Одному зверю зажала пасть. Вбила ему в спину два ножа, а ему хоть бы что...

– Не крокодилов, – сплюнул он. – Бин и Во. Ты их убила, дрянь!

Я испытала на нем ошарашенный взгляд.

– Что? Зачем...

– Что это за ножи? – Старший из рубашек подозрительно разглядывал мои ножны.

– Мы странствующие актеры, – непринужденно вступила в разговор Эла, умиротворяюще тронув ладонью запястье стражника.

Я заметила на ней замшевые перчатки, только еще не поняла, зачем они. Стражник отдернул руку, и Эла, не пытаясь его удержать, грустно покачала головой и обратилась к следующему:

– Когда мост рухнул, мы были в двух шагах от них.

Жрица очень натурально содрогнулась и почти без чувств упала на руки еще одному стражнику, который, неловко подхватывая ее, выронил меч. Ему на помощь поспешил второй. Оглянувшись, я увидела, что Коссал со скучающим и недовольным видом сидит на перилах в десятке шагов от нас.

– Они нас спасли, – подхватила я. – Те двое, что погибли. Женщина, вроде бы ее звали Бин, отгоняла крокодилов палкой. Они нас спасли.

– Так за что же ты их убила? – вскричала девушка.

Вид у нее был еще хуже моего, промокшие одежды расплзались клочьями. Пол-лица заливала кровь, размывая ручейками подсыхающую грязь.

– Не понимаю, о чем ты все твердишь? – развела я руками, качая головой.

Эла обняла женщину за плечи и заговорила, утешая и поглаживая ее по голове:

– Бывает, что никто не виноват. Люди просто гибнут. Санни... – Она кивнула на меня, – сделала все, что могла. Как и все мы.

Глаза женщины стали пустыми, как небо.

Мужчина, растянув губы в помертвелой усмешке, шагнул ко мне и крикнул:

– Я не слепой!

Зеленая рубашка покосился на меня и снова обернулся к нему:

– Что же ты видел?

– Она метнула ножи! Убила Бин и Во!

– Я правда метала ножи, но не в его друзей, – подтвердила я, повернувшись к стражнику. – Я тонула в трясине, сражалась за жизнь. Зачем бы мне убивать женщину, которая помогла отогнать крокодилов?

– Она метала ножи в крокодила, – подтвердила Эла.

Стражник скривился – видно, был бы рад выбраться из этой неразберихи.

– Может, ты промахнулась? Случайно попала в его друзей?

– Я с пяти лет мечу ножи, – покачала я головой. – А тот крокодил был большой, как лодка, в трех шагах от меня. Не промахивалась я.

– Ты убийца! – Чумазый мужчина ткнул пальцем чуть не мне в лицо.

Он все твердил это слово, словно забыл все другие.

Эла встала между нами, успокаивающе погладила его по груди. Он отбросил ее руку, но я уже сообразила.

– Послушайте, это же бред, – воскликнула я. – Там, в дельте, столько людей нуждаются в помощи!

– Хочет сбежать! – вмешалась женщина.

– Мы подождем здесь, – снова покачала я головой. – Оставьте кого-нибудь за нами приглядывать, но, ради Интарры, отправьте остальных на север. Бедствию еще не конец.

Мгновение стражник всматривался в мое лицо, потом коротко кивнул.

– Вон, Тун, Квон, задержите их здесь. Чтобы до моего возвращения никто с места не двигался. Если дернутся, убейте. Когда вернусь, доставим их в Кораблекрушение и там разберемся.

– А мы чем виноваты? – возмутился измазанный в грязи мужчина. – Убийцы – эти гады!

– Если так, когда все кончится, они предстанут перед аннурским правосудием, – отрезал стражник.

– Лично я не прочь подождать, – примирительно вскинула ладонь Эла.

Она устроилась на перилах, словно не замечая пустоты за спиной.

– Коссал, – повелительно окликнула она, – перебирайся сюда.

Когда старый жрец сердито затопал в нашу сторону, она стянула с рук перчатки и аккуратно повесила их на перила.

– Сколько смертей! – горестно проговорила она. – Сколько бессмысленных смертей!

Солнце недалеко ушло по небу, когда рухнул Тун. Свирепопоглядывавший на нас воин вдруг опустил меч, схватился за грудь и упал с перекошенным лицом. Вон опустился рядом на колени и растерянно тормозил товарища, а не добившись ответа, отложил меч и упорно пытался оживить мертвеца, пока сам не осел на доски с мучительным изумлением на лице. В сотню ударов сердца было покончено со всеми.

– Ну, – бодро объявила Эла, встав на ноги, – вот все и уладилось.

– Итириол? – угадала я, изучая трупы.

– А в Рашшамбаре меня уверяли, что ты только в клинках знаешь толк, – улыбнулась Эла. Я бросила взгляд на ее замшевые перчатки.

– Порошок сквозь кожу не проникает?

– Со временем проникает, – пожала плечами Эла. – Так что тянуть не стоит.

– Были способы покончить с этим скорее, – сварливо заявил Коссал, выпрямляясь.

– И обратить на себя внимание, – возразила Эла. – Было бы о чем поговорить.

Она кивнула на роящийся на мосту народ. Кое-кто оглядывался на нас, все заполонили окровавленные, перепуганные, обессиленные и отупевшие до бесчувствия люди. Никому не было дела до нескольких тел у перил.

– А так мы остановимся в хорошей гостинице, а не будем ютиться на чердаке с летучими мышами. – Оценив меня взглядом, Эла порылась в мешке и кинула мне туго скатанный кипан. – Мне, в общем, приятно смотреть на ляжки с ножами, но, пожалуй, в город стоит одеться не столь вызывающе.

К горе Безумного Трента мы добрались в темноте. Большая приподнятая над землей платформа, как и сама переправа, осталась в наследство от аннурского вторжения. В четверти мили от северо-западной окраины Домбанга тянувшаяся прямо, как стрела, деревянная гать начинала полого уклоняться вверх, опоры становились все длиннее, а их конструкция усложнялась по мере того, как дельта оставалась все дальше внизу. Название для этого огромного сооружения подобрали неудачно: деревянные леса (за прошедшие десятилетия неоднократно чинившиеся и заменявшиеся) – никак не гора, а генерал Трент вовсе не был безумен. Стреляя с этой рукотворной горы, аннурские трубушеты стерли с лица земли и сожгли в пепел северную часть города.

Домбанг и теперь горел, хотя огонь давно пленили, укротили и рассадили по десяткам тысяч клеток: в печи, факелы, фонари, снова заставив служить людям. С вершины горы раскинувшийся перед нами городской лабиринт напоминал мутноватую копию звездного неба. У меня закружилась голова – закружилась так, как никогда не кружилась над отвесными обрывами Рашшамбара. Чудилось, будто я смотрю не только вниз, но и назад – через бездну лет заглядываю в собственное прошлое.

Тайный город, Чудо Гока Ми, Лабиринт Фонарей – городу дали десяток имен, и в каждом была своя правда и своя ложь. Сплетение каналов с их баржами и плавучими базарами в самом деле веками и тысячелетиями скрывалось от света, но теперь с тайной было покончено. Гок Ми действительно совершил чудо, несколько столетий назад превратив рыбацкую деревушку в величайший город южной части материка. Однако Гок Ми давно умер, а его город двести лет как пал ниц перед большей и не столь чудесной силой. Вернее всего подходило последнее имя: Домбанг был и остался лабиринтом – каналов и мостов, гатей и плавучих домов, протянутых

между крышами веревочных переправ и лесенок, и десятков тысяч переулков, где так легко скрыться – от других и от себя.

– Ах, здесь я могла бы влюбиться, – мурлыкнула Эла, залюбовавшись видом; она обхватила меня за плечи. – Право, какой романтический город!

– Если считать романтической открытую клоаку, заселенную злобными политическими раскольниками, – хмыкнул Коссал.

– Ты посмотри, сколько фонарей, – убеждала его Эла. – В прошлый раз, помнится, их было меньше.

Красные и янтарные фонарики висели на носу каждой лодки, в отворенных окнах мерцали свечи, открытые огни пылали у подножий деревянных изваяний богов – аннурских богов, над которыми владовала Интарра. До меня уже доносились отголоски музыки: то обрывки пьяных песен, то нежные звуки деревянных флейт, нитями протянувшиеся сквозь жаркое дыхание ночи.

– При чем тут фонари? – возмутился Коссал.

Эла его не слушала – повернулась ко мне, игриво повела бровью.

– Удачный выбор, Пирр. Можно ли не полюбить среди такого множества фонарей?!

– Они из рыбы, – покачала я головой. – Все фонари здесь делаются из рыбьей кожи. Из красных зубанов или из плескунов. Их потрошат, кожу натягивают на раму, а внутрь вставляют фитиль и наливают китовый жир.

– Ты так говоришь, – заметила Эла, сбоку заглядывая мне в лицо, – будто рыба для тебя чем-то умаляет романтику.

– Для начала запахом, – подсказал Коссал.

– Они не пахнут, – медленно покачала я головой. – Если сделаны как следует, не пахнут.

В памяти всплыла картина из илистой заводи детства. Я сижу на корточках на узком причале между кучами зубанов. Неподвижные, мертвые, прохладные на утреннем солнце рыбыны глупо таращатся в небо. Мне поручено их выпотрошить, почистить, засолить и развесить на просушку, а потом до бумажной тонкости выскрести кожу, которую продадут старому фонарных дел мастеру с нашей улицы. Свежая рыба никогда не воняла. Только потом, к ночи, когда в городе зажигали эти румяные фонарики, я ощущала на коже густой запах, не смывавшийся, сколько ни три ладони.

– Беда с тобой, Коссал, – обернувшись к старому жрецу, сказала Эла. – Ты ничего не понимаешь в романтике.

– Я любого вскрою, – ответил он. – Выпущу потроха. Повешу труп на просушку. Это все согласно нашей вере. Просто я не нахожу здесь ничего романтического.

Эла покачала головой и, обратившись ко мне, закатила глаза.

– Безнадежен! – Она доверительно понизила голос. – Он безнадежен. Всегда таким был.

Обернувшись к жрецу, Эла протянула открытую ладонь, словно предлагала ему город, как горсть драгоценностей.

– Оставим романтику. Но ты хоть признай, что это красиво.

– В темноте. Издалека. – Он покачал головой. – Но издалека и груда свежего дерьма в лунном свете красиво блестит.

– Коссал! – в негодовании воскликнула Эла. – Есть ли в целом мире хоть что-то тебе по нраву?

– Рашшамбар. – Он поднял палец, словно собрался подсчитывать перечисленные названия, подумал и опустил ладонь. – Только Рашшамбар. Там тихо. И нет такой влажности, поцелуй ее Кент.

– Если ты так любишь Рашшамбар, – спросила я, – зачем пришел сюда?

Он не удостоил меня взглядом, хмуро разглядывая огни и воды Домбанга.

– Потому что бога люблю больше.

– Бог везде, – возразила я. – А на место моего свидетеля нашелся бы другой.

– Может, я не только свидетельствовать сюда пришел.

На этот раз Эла удивилась неподдельно:

– Открой дамам тайну!

Он помолчал, озирая город гневным взглядом, и наконец обернулся к нам:

– Надо кое-кого убить.

– И ради этого ты тащился в такую даль? – упрекнула Эла. – Не знаю, о ком ты говоришь, но уверена, он бы и сам собой умер.

– Может, да, – ответил Коссал, – а может, и нет.

Еще на подходе к городу нам стали попадаться причаленные к перилам по сторонам моста плоскодонные баржи и узкие длинные лодки. Посредине каждой стояла маленькая палатка – в сущности, просто полотняный навес, кое-как укрывающий от москитов, – но спящих мы не увидели. На корме у каждой лодки красные фонари разгоняли темноту и подкрашивали черную воду. На островках из надежно сцепленных барж лодочники сходились на одну палубу, чтобы выпить в обществе соседей. Воздух загустел от запаха дыма, жареной рыбы и съедобного тростника. Даже дети в этот поздний час еще не ложились, а со смехом и визгом лазали по бортам. Случалось, кто-то из них с плеском валился в воду. Остальные, осыпав приятеля насмешками, вытягивали его из протоки и возвращались к игре.

Глядя, как легко выбираются из воды ребяташки, я вспомнила женщину, которая сегодня не выбралась, – как она кричала, силясь вырваться из трясины, где к ее ногам подбирались голодные квилны. В такой близости к городу самые опасные обитатели дельты встречались редко – их отпугивали мутная вода и шум над ней. Дети здесь были в безопасности, если дети вообще бывают в безопасности. Я сама не упомяну, сколько времени проводила в водах Домбанга, и все равно, глядя на черную лоснящуюся поверхность, невольно представляла под ней невидимые ужасы, острозубые и терпеливые.

От непроницаемого молчания вод меня отвлекла музыка. Домбанг всегда был музыкален. Я и музыку запомнила с детства – большей частью барабаны и флейты из толстостенного копейного тростника. Таким флейтам бы играть медленные навязчивые мелодии, но только не в Домбанге – здесь жили пронзительные плясовые и бодрые песни гребцов, а быстрая дробь тяжелых барабанов вечно подгоняла мотив, принуждая звучать громче и напористее.

– Я здесь натапцуюсь до кровавых мозолей, – объявила Эла, задержавшись послушать особенно живую мелодию и постукивая себя по пятке сложенным зонтиком.

На миг я услышала здешнюю музыку ее ушами – чистой и ничем не запятнанной. Но только на миг, пока не вернулись давние годы, когда беззаботные звуки ночи представлялись маской, скрывавшей тихие, потаенные звуки насилия. В этой музыке всегда присутствовало иное движение, темнее танцевальных коленец.

Фонари фонарями, смех смехом, а Коссал был прав. Углубляясь в город, я вспоминала правду: Домбанг вблизи уродлив. С резных коньков крыш свисали светильники, женщины в открытых блузах склонялись с балконов, с ними и между собой перекликались мужчины в ярких вечерних нарядах (перехваченных шарфами жилетах-безрукавках на голое тело), но в тених, куда не достигал свет, просмоленные опоры неустанно разъедала гниль. Рыбьи скелеты – хребты, плавники да головы – сбивались в стоячих омурах. Там, где течение было сильнее, бежала чистая темная вода, но в тысячах заводей, отгороженных плотинами, медленно, как во сне, всплывали из темноты странные тени, поворачивались на свету и снова таяли в глубине. Рашшамбар открыл мне знание о смерти, но здесь была не смерть – умирание. Я еще ребенком это чувствовала. Ребенком – особенно остро.

Я так затерялась в воспоминаниях, что налетела на остановившуюся Элу.

– Дамы и господа, – точно со сцены, провозгласила она. – Представляю вам «Танец Анхо».

Она широко повела рукой, указывая налево, где стояло здание с широкими окнами. Его отделял от мостков узкий канал; изящная резная арка переправы выводила на площадку, уставленную столиками для посетителей.

– И почему я не удивлен? – поморщился Коссал.

– Ты потому не удивлен, – сообщила ему Эла, – что я еще в Рашшамбаре обещала привести вас в лучшую городскую гостиницу с лучшим оркестром, тончайшими винами и самыми прекрасными посетителями. Что и исполнила.

Не мне было судить изысканные заведения Домбанга (я провела детство в трущобах восточной окраины среди покосившихся свайных хижин над вонючей водой), но с тех пор навидалась других городов и могла сказать, что Эла говорит не зря. Шесть музыкантов – два барабанщика, два флейтиста и два певца: мужчина в открытом жилете и женщина в ки-пане с разрезами на бедрах – расположились посреди площадки. Играли они лучше всех, кого нам довелось услышать по дороге: громкий будоражащий мотив, исполненный жизни, и в то же время сложный, насыщенный. Нарядные танцоры исполняли перед ними старинный домбангский танец, а сидевшие по сторонам завсегдатаи ладонями отбивали ритм. Голые до пояса подавальщики – отобранные, как видно, по красоте и изяществу, – подняв над головой подносы, легко пробирались через толпу. Женщины в просторных блузах с низким вырезом трудились за стойками: в свете факелов вращали бокалы, подбрасывали, ловили у себя за спиной и ловко разливали золотистые напитки из высоких бутылей.

– А ты не слышала, как я еще в Рашшамбаре сказал, что предпочитаю места потише и потемнее? – ответил Коссал.

Эла выпятила губки, задумчиво окинула взглядом звездное небо и покачала головой:

– Нет, такого не слышала.

– Ты понимаешь, – проскрежетал Коссал, – что я хоть сейчас мог бы отдать тебя богу? Ты стала бы щедрой жертвой.

– А вот и не отдашь.

– Такая уверенность и губит людей.

– Мертвая я уже буду не так хороша.

– Наоборот, в качестве трупа ты будешь прекрасна.

– Если задумал до меня добраться, поспеши, – посоветовала Эла. – Проворства у тебя с годами не прибавляется.

– А в Рашшамбаре ты говорила, что я еще молод.

Эла обхватила его за пояс, притянула к себе. Он, не противясь, позволил ей промурлыкать на ухо:

– Так то было в Рашшамбаре.

Коссал, окинув ее суровым взглядом, отстранился.

– Я найму комнату и лягу спать. И тебе советую, – бросил он мне.

– Но ведь еще нет и полуночи! – воскликнула Эла.

– Ты здесь можешь заниматься чем вздумается, – угрюмо напомнил он жрице, – а девочке завтра с утра работать. Ее Испытание уже началось – в тот момент, когда она вогнала нож в ту несчастную. Значит, до окончания четырнадцать дней. Уже меньше. Не так много остается свободных вечеров для выпивки и танцев.

– Не знаю, – ответила Эла, выпустив его, чтобы обвить тонкой рукой мою талию. – Я всегда замечала, что выпивка и танцы проясняют мысли.

И, не дав мне возразить, она увлекла меня по узкому мостику к гостинице – к столику поближе к музыкантам.

– Ну, – заговорила Эла, выгибаясь и потягиваясь на стуле, – ты наконец мне расскажешь?

На столике между нами стоял графин из дутого стекла – почти полный, уже третий за эту ночь. Жрица потянулась к нему, наполнила мой бокал, а поставив запотевший графин, слизнула с пальцев влагу. Мне она напоминала кошку – нарочитой небрежностью движений.

– Что рассказать?

Она повела пальцем по кругу, обозначив разом весь город.

– Зачем мы здесь.

Я набрала воздуха в грудь, чтобы заговорить, но передумала и просто отхлебнула вина.

– Как я понимаю, – заметила, помолчав, Эла, – ты здесь выросла?

Я осторожно кивнула. Во мне горячо и ярко плескалось вино. Мир казался одновременно широким и тесным.

– И здесь же, – предположила она, не дождавшись ответа, – ты принесла первые жертвы богу.

Я снова отпила из бокала, ощутила розовую жидкость на языке, в горле.

– Если их можно назвать жертвами, – кивнула я.

– Всякая смерть – это жертва.

За плечом Элы посреди пустеющей танцевальной площадки свились в одно целое мужчина и женщина. Ее руки были повсюду, словно прорастали лепестками из его тела.

– Мне показалось, в знакомых местах можно смелее надеяться на удачу, – наконец ответила я.

– Ты хотела сказать: «среди знакомых людей», – поправила она, наклонившись над столом.

Свет играл на ее темной коже, так что казалось, она светится изнутри.

– Все, кого я знала в Домбанге, умерли, – возразила я. – Я их убила, прежде чем уйти.

– Предусмотрительная девочка, – рассмеялась Эла. – Непременно расскажешь, когда будет время.

Я покачала головой и, сама удивляясь твердости своего голоса, ответила:

– Нет, не расскажу.

Наши взгляды на миг скрестились. Я отвернулась первая.

– Пожалуй, пора спать.

– О, бесспорно! Надо было давно лечь по примеру Коссала. – Эла, предупреждая мой ответ, подняла палец. – Но мы не легли, и теперь за нами должок.

– Перед кем же? – заморгала я.

– Перед вином, Пирр! Перед вином!

Она со смехом указала на графин, отражавший свет факелов так ярко, что сам мог сойти за светильник. Мне представилось, что и во мне вино светится розовой луной.

– Ты меня нарочно спаиваешь, чтобы я проболталась.

Слова медленно шли с языка и звучали глупо.

– Конечно, – усмехнулась Эла. – Признаться, секреты я люблю не меньше нарядов.

– А если я скажу, что выбрала Домбанг безо всякой причины? Или что просто хотела его повидать, пока вы не воткнули в меня нож?

Подливая вина в свой опустевший бокал, Эла не отпускала моего взгляда.

– Я пойму, что ты лжешь.

– Это почему?

В ее темных глазах светилось вино.

– Дама своих секретов не выдает, – ответила жрица.

– А моих добиваешься?

– Молода ты еще для дамы.

– А как насчет тебя? – спросила я, прищурившись. – Ты дама или жрица?

– Ты не поверишь, как часто я себя об этом спрашиваю.

– И что же ты себе отвечаешь? – спросила я.

– О, вряд ли мне решать. Если послушать Коссала, я не более чем заноза у него в заднице. Я устала в свой бокал, пытаюсь привести мысли в порядок. Певцы умолкли, флейтисты тоже, только два барабанщика отбивали четкий ритм в ночи.

– Ты правда думаешь, он смог бы тебя убить? – спросила я наконец.

Эла задумчиво поджала губы:

– Какой же он жрец, если не смог бы?

– Но он тебя любит.

– Допустим, – дернула она плечами. – Тем не менее мы поклоняемся не Эйре, а Ананшаэлю.

Прямо над нами распахнулись деревянные ставни – в ночь пролился звонкий вольный смех. Я успела заметить пару рук, закрывавших створки, и смех затих.

– А ты его не любишь, – сказала я.

Эла долго разглядывала меня, прежде чем покачать головой.

– Со стороны об этом нельзя судить, Пирр. Ты так же не в силах стать мною или Коссалом, как мы не в силах стать тобой. Я могла бы описать тебе всю свою жизнь: каждый поцелуй, каждое женское бедро, каждый смешок, каждый всхлип, каждый отвердевший член, только все это ничего не значит. Слова – полезный инструмент, но всего лишь инструмент. Правда в них не уместится. Чтобы остаться в живых, тебе придется найти свой путь.

Я глубоко вздохнула и снова поднесла к губам бокал, – ощутила кожей его тенистую прохладу и, запрокинув, стала пить. Мне чудилось, я очень долго просидела так, с закрытыми глазами, слушая назойливый перестук барабанов, и десяток взлетающих и ниспадающих голосов вокруг, и приглушенный ропот разделенных сваями помоста струй Ширвана, вслепую сбегающих к соленому морю. Когда же я все-таки подняла веки, то увидела перед собой темные, круглые, внимательные глаза Элы.

– Его, – заговорила я, – зовут Рук Лан Лак.

– Рук Лан Лак, – повторила Эла и изящно облизнула губы, словно имя оставило на них соленый привкус. – Расскажи мне про Рука Лан Лака.

Я колебалась. Моя история представилась мне камнем на краю обрыва: сделай шаг от настоящего, и падения уже не остановишь.

– Он здесь, – неуверенно заговорила я. – Должен быть здесь. Год назад был.

– Как ты узнала? – выгнула брови Эла.

У меня загорелись щеки.

– В прошлом году Тремиэль работала по найму в Домбанге. Когда она вернулась в Рашшамбар, я ее спросила про Рука.

Эла восторженно захлопала в ладоши:

– Ты его выслеживала! И при этом всю дорогу до города оплакивала жесткость своего холодного бесчувственного сердца! Однако... – прищурилась она, – в Домбанге четыреста тысяч человек. Как Тремиэль его узнала?

– Он не просто человек, – поморщилась я.

– Все мы просто люди, Пирр. Это едва ли не первый из уроков Ананшаэля.

– Пусть так. Но я хотела сказать, что он здесь известен.

– Не люблю знаменитостей, – цокнула языком Эла. – Много лет назад во Фрипорте я влюбилась в одного вестеда. Ничего хорошего не вышло.

– Я в него не влюблена.

– Однако намерена влюбиться.

– «Намерена» слишком громко сказано, – досадливо фыркнула я.

Раскручивая вино в бокале, Эла задумчиво поглядывала на меня поверх края.

– Не разочаровывай меня, уверяя, что за месяц пути в твоей голове ни разу не блеснула мысль, как к нему подобраться. Люди говорят: «Влюбиться – как в лужу свалиться», будто можно влюбиться по рассеянности. Я же полагаю наоборот – влюбляются всегда обдуманно.

– Я знаю, как добиться его внимания.

Эла ждала, неспешно попивая вино. Я оглянулась, прикидывая расстояние до соседнего столика, потом склонилась вперед, обхватила ладонью бок графина в бусинках тумана и прижала ее к дереву столешницы. Когда я отняла руку, на жаждущем дереве остался отпечаток. Я почти сразу стерла его ладонью.

– Знаешь, что это?

– Зверь о пяти ногах и без головы?

– Это символ, – понизив голос, проговорила я.

И сбилась, не зная, как продолжить. Эла выждала немного, закатила глаза и, обмакнув палец в вино, вывела два сцепленных посередине полукруга.

– Вот это символ, – подделываясь под заговорщицкий шепот, сообщила она. – Все не могу решить, на что он больше похож: на попку или на пару округлых грудок.

Она еще понизила голос:

– Ты могла бы послать его этому Руку запиской и спросить, что ему больше по вкусу.

– Я и так знаю, что ему по вкусу.

Эла округлила губы буквой «о».

– Тем проще будет его соблазнить.

– И соблазнять я его не собираюсь.

Жрица все так же напоказ помрачнела:

– Какое разочарование! Я, как свидетель, что ни говори, обязана была бы засвидетельствовать... – Она покачала головой. – Ни соблазнения, ни задницы, ни грудей. Что же тогда?

– Восстание, – выдохнула я, припав к столу.

– Это такая поза для соития? – захлопала глазами Эла.

– Это пропасть, над которой не одно десятилетие висит Домбанг.

– Висит... какая скука.

– Если мы его подтолкнем, станет веселей.

– Мы? – повторила Эла. – Не забывай, я здесь ради танцев и нарядов.

– Можешь подобрать славный наряд для бунта.

– Для веселья любой повод хорош. – Она нахмурилась. – Но какое отношение это имеет к...

Она долго и старательно подмигивала мне, прежде чем кивнуть на остатки влажного отпечатка.

– Это, – спокойно сообщила я, – «кровавая длань».

– Кровь я бы узнала, – возразила Эла. – Она красная.

– Будет красной, когда я всерьез возьмусь за дело.

– А в чем «дело», не скажешь?

Ближайший к нам гость сидел в десятке шагов, к тому же благодаря музыке не смог бы подслушать. И все-таки я старалась не повышать голоса.

– Ты, бывая здесь прежде, слышала имя Чонг Ми?

– Это хозяйка борделя на западной окраине? Я там всего одну ночь провела, но, милый Ананшаэль, какие красотишки... – протянула она, жмурясь от сладостных воспоминаний.

– Чонг Ми была не распутницей, а пророчицей.

Эла, нахмурившись, открыла глаза.

– Значительно менее захватывающе, – заметила она.

– В Домбанге за ее пророчества могут не только схватить, но и подвести под казнь.

– Это уже интереснее, – снизошла Эла, снова склонившись ко мне и блестя глазами. – Припомни какое-нибудь.

– Ты прослушала насчет казни?

Она возмущенно замахала руками:

– Ты собираешься принести богу семерых граждан этого города (нет, пятерых, ты ведь начала заранее) и опасаясь процитировать несколько строк безумной поэтессы? – Эла понизила голос. – Так и быть, можно шепотом.

Я снова покосилась через плечо, после чего склонилась поближе к жрице. Нас можно было принять за подружек, сплетничающих о мужьях или обсуждающих тех привлекательных танцоров, что все еще не покинули площадки. Обычный разговор о любви, ни слова о религии и мятежах.

Хотя, по правде сказать, я надеялась, что одно приведет к другому.

– Горе тебе, Домбанг, – еле слышно произнесла я, – ибо я видела день спасения твоего.

Явился мне змей с человеческим лицом,
Красный как кровь, с огненными глазами,
И возгласил мне так: «Горе утратившим веру.
Горе робким. Горе отрекшимся от богов».
Трижды он повторил: «Горе, горе, горе» —
И вонзил мне в плечо ядовитый зуб, и увидела я
Кровавые длани, десять тысяч кровавых дланей
Вздymались из вод, сокрушая город.
Я видела: огнепоклонники сгорают в своем огне,
Их лживые языки, повторяя молитву, пылают.
Я видела гадючье кубло: черные змеи изгоняли зелень,
Три тысячи витков сжимались все туже и туже.
Я видела, как аспиды всплывали из вод.
Видела, как они пожирали сердца иноземцев.
Я видела тысячи голов, тысячи безглазых голов;
Из мякоти их мозгов проросли цветы дельты.
Я видела, как мужи и жены давятся иноземными монетами.
Я слышала их вопли, когда золото капало с их уст.
Я видела зверей из вод на алтарях.
Их разверстые пасти гласили: «Горе, горе, горе!»
Горе тебе, Домбанг, потому что я видела день спасения твоего.
Видела день и час возвращения наших богов.
Горе, горе, горе тебе, Домбанг, ибо я видела это:
Кровь, огонь и бурю. И они грядут.

– Порядочно горя. Чрезвычайно мрачное пророчество. Хотелось бы мне хоть раз до ухода к богу услышать радостное. – Эла понизила голос и с важностью изрекла: – И будешь ты слизывать мед с ее сладких губ, да, и это будет очень, очень, очень хорошо!

– Счастливые не сочиняют пророчеств.

– Пророчеств вообще не положено сочинять. Устами пророков вещают боги. В этом суть пророчеств.

– Только боги Домбанга давным-давно ушли, – кивнув, напомнила я.

– Они вернутся, – бодро возразила Эла. – И скоро! Так сказала Чонг Ми.

– Чонг Ми полторы сотни лет как умерла, – язвительно сообщила я.

– Кто знает, может, для бога это не срок? – развела руками Эла. – Для него и десять тысяч лет – единый миг. Очень вероятно, век-другой для него – это скоро.

– У меня нет веков в запасе, – угрюмо проговорила я. – И десяти тысяч лет тоже. У меня четырнадцать дней.

Эла прищурилась:

– Неужто ты не в силах полюбить без помощи ушедших богов Домбанга?

– Честно говоря, не думаю, – устало вздохнула я.

– И мы возвращаемся к нависшему над городом восстанию.

– Домбанг так до конца и не смирился с аннурским владычеством, – кивнула я. – Пять лет назад город стоял на грани открытого мятежа.

– И что было дальше?

– Дальше был Рук Лан Лак.

Эла поджала губы:

– Твой дружок в одиночку подавил восстание?

– С четырьмя временно подчиненными ему аннурскими легионами.

– Военный! – мурлыкнула Эла. – Обожаю военных.

– Бывший военный. Когда здесь стало жарко, Аннур отправил его в город командовать зелеными рубашками.

– Городская стража, – скривилась Эла. – Эти похуже будут.

– С тобой согласится весь Домбанг, особенно после того, как Рук вырвал глотку местному сопротивлению.

– Он недоделал работу. Мятежники с вырванной глоткой неплохо управились с мостом.

– Аннур двести лет пытался покончить со старой верой, с самого завоевания, – кивнула я. – А сумел в лучшем случае загнать ее в подполье.

Эла покрутила бокал с вином.

– И какое отношение все это имеет к разогреву твоего окаменевшего сердечка?

Я замялась. Собственный план показался мне вдруг безумным.

– Я думала... если помогу ему в борьбе с мятежниками, мы, может быть... – Я не нашла слов и просто мотнула головой.

– Сойдетесь поближе, – понимающе улыбнулась Эла. – Ясно. И где ты будешь его искать?

– Пока не буду. Сперва надо заставить мятежников проявить себя.

– Тебе мало подпиленной переправы?

– Я хотела помогать Руку на войне, – покачала я головой. – А для этого требуется война.

Жрица помолчала немного, а потом восторженно расхохоталась.

– И где ты ее возьмешь?

Я снова приложила ладонь к графину и оставила на столике отпечаток.

– Я видела кровавые длани, – тихо повторила я пророчество. – Десять тысяч кровавых дланей вздымались из вод, сокрушая город.

– Ты знаешь, – пробормотала Эла, – в исполнении пророчеств принято полагаться на богов.

Я покачала головой:

– Говорю же, мне нужен способ сблизиться с Руком, а богов Домбанга уже очень давно не видно, не слышно.

3

Я всегда удивлялась, как миру удается более или менее уцелеть. Возьмем что-нибудь простое, вроде глиняной чашки. Сколько времени и труда уходит на ее создание: накопать глины, раскрутить гончарный круг, нанести глазурь, обжечь, расписать – а разбить можно в

один миг. Не требуется даже дурных намерений и воинственных замыслов: просто на минутку отвлечься, неосторожно двинуть локтем, взять неверными от вина пальцами, и чашка падает, разлетается вдребезги. Так почти всюду. День за днем неувовимо для глаз коробятся от солнца, дождей и жары борта лодки; смола вытекает, между досками появляется течь. Рис растут из зерна много месяцев, а оставь его в сырости, сгниет за день.

Наша человеческая плоть лучше прочего хранит мир со своим распадом, и все же так немного надо – чиркнуть ножиком по гортани, уронить черепицу с крыши, толкнуть в неглубокую лужу, – чтобы покончить и с мужчиной, и с женщиной. Учитывая всеобщую хрупкость, просто поразительно, что наш мир не разлетелся вдребезги, а сохранил порядок и форму; что вся земля не завалена костями, углями, разбитым по неосторожности стеклом. Иногда я дивлюсь, как мы еще стоим на ногах.

Чтобы сохранить мир в целости, приходится потрудиться. Такую простую штуку, как чашка, нужно каждый день мыть и бережно ставить на полку. Город по-своему так же уязвим. Люди ходят по мостам, гребут веслами по каналам (кто на базар, кто домой), покупают, меняются, продают, и каждый, не зная того, хранит город в целости. Каждое вежливое слово – стежок, сшивающий его ткань. Каждый, кто, охотно или ворча, соблюдает закон, помогает связать его воедино. Обычай, общение, помощь соседу – все это дает отпор хаосу. Столько душ, столько усилий. Создавать так сложно, а разбить проще простого.

Первый кровавый отпечаток я оставила незадолго до полуночи на средней опоре моста Као. Его широкий деревянный пролет – один из самых больших в городе, он связывает северный и южный берега главного канала Домбанга. Оттуда непросто уйти незамеченным: по обеим сторонам выстроились крытые яркими полотняными навесами лавки со всякой всячиной, от жареных скорпионов до битого льда с медом. Торговля продолжается чуть не ночь напролет, пока влюбленные парочки, страдающие бессонницей одиночки и поздние гуляки не уступят с рассветом место людям в будничной одежде. Кто спешит домой, кто еще не проснулся и прихватил чашку горячего чаю по пути на работу.

На мосту Као не бывает пусто, но нас в Рашшамбаре с малолетства учат, что и в толпе можно спрятаться. Толчея скроет тебя не хуже безлунной ночи. Среди сотен людей затеряться проще, чем среди полудюжины. Я дождалась подвыпившей компании, позволила им оттеснить меня к ближайшему фонарю из рыбьей кожи и сбила его в воду под мостом. Фонарь сердито зашипел и потух. В мелкой лужице тени мне ничего не стоило окунуть руку в горшок – в пророчестве говорилось о крови, но я взяла краску – и, на мгновение прижав ладонь к опоре, двинуться дальше.

Никто не кричал, не тыкал в меня пальцем. Никто не поднял тревогу. Люди шли по мосту, как ходили всю ночь, не замечая, что я натворила у них на глазах. С разрушением это обычное дело. Треснутая чашка может продержаться не один день. Есть способы заколоть человека так ловко, что он и не поймет, пока не увидит крови. Город, конечно, побольше чашки и посложнее человека. Чтобы разбить Домбанг, как этого требовали мои цели, мне предстояло потрудиться.

От моста Као я двинулась на юг, потом свернула на запад через раскрашенные пятнами пыльцы мостки к Цветочному рынку. Неподвижную темную воду под его опорами устилали десятки тысяч опавших лепестков. Я оставила красный след ладони на стене главной кордегардии зеленых рубашек, донимавших в это время какого-то невезучего торговца. Я оставила отпечатки на обоих концах Весеннего моста, по которому перебралась на Первый остров, и еще один на постаменте огромной статуи Гока Ми, возвышавшейся над главной площадью острова. Гок наблюдал за мной пустыми каменными глазами. Я, с еще каплюющей с пальцев краской, скользнула в темный переулок и обернулась, разглядывая изваяние и гадая, какого мнения Гок о моих ночных делах.

Гок Ми всю свою жизнь служил Домбангу, возглавлял зеленых рубашек во времена их расцвета и независимости. Это он подсказал углубить широчайшую из протоков дельты, открыв

Домбанг для морских купеческих судов с большой осадкой; он же создал хитроумные ловушки и укрепления (цепи под водой, ложные рифы, скрытые в тростниках заставы, откуда можно было забросать врага горшками с жидким огнем), защищая город, им же открытый миру. Гок Ми посвятил жизнь безопасности Домбанга, но его тысячу лет как не было в живых, а нынешнего города он не узнал бы. Проклял бы он меня за попрание хрупкого мира? Или поблагодарил бы ту, кто спускает с цепи ненависть к имперскому гнету?

Я еще разглядывала неподвижное изваяние, когда на площадь, словно сорванные с якорей лодки, ввалились с десятков гуляк. Казалось, они пройдут ее, не задерживаясь, но тут один парень – рослый, мускулистый и противный на вид, в жилете нараспашку – споткнулся и плечом налетел на постамент. Спутники разразились весельем, но юнец оборвал их драматическим жестом.

– Такого обращения, – объявил он, тыча в статую трясущимся пальцем, – я никому не спущу!

И он, не сразу справившись с пряжкой пояса, уронил штаны и пустил струю на подножие статуи.

Будь ночь чуть темнее или выпивоха чуть пьянее, все могло бы обернуться иначе. Он бы помочился, подтянул съехавшие до лодыжек штаны и вместе с друзьями навсегда затерялся в ночи. Но на площади висело множество фонариков, а у парня еще не так мутилось в глазах, чтобы, оторвав взгляд от члена, не заметить прямо перед носом еще влажного, поблескивающего отпечатка моей кровавой длани.

Будь он потрезвее, и тогда еще мог бы спастись – тихо отвернуться и уйти своей дорогой. Кровавые длани прорастали в Домбанге и во времена моего детства – там пара, здесь несколько. Знаки бессильного протеста, тщетные попытки разжечь в горожанах праведный гнев. Детишки, еще не дотянувшись макушкой до пояса взрослого, уже знали: нельзя, чтобы зеленые рубашки застали тебя поблизости от таких отпечатков. Аннур вырос в сильнейшую в мире империю не кротостью и смирением. Обвинение в подстрекательстве к мятежу стоило жизни – особенно беспризорникам с восточной окраины. Заметил кровавую длань – постарайся, чтобы никому и в голову не пришло, будто это ты ее оставил.

Тот придурок, как видно, не выучил урока. Он, еще держа одной рукой свой член, с необъяснимой решимостью, свойственной пьяницам всего света, протянул другую и накрыл ею отпечаток. Жест выглядел медленным и обдуманым, едва ли не благоговейным. И пришлось как нельзя более ко времени. Только он отнял руку, недоуменно разглядывая измазанную в краске ладонь, как на площадь вступил патруль зеленых рубашек.

Любопытно, узнал бы теперь Гок Ми свой прежний орден? В долгие годы независимости Домбанга, когда высшие должности занимали жрецы, настоящими правителями города были зеленые рубашки. Они следили за расчисткой протоков и постройкой мостов и переходов, они вершили суд и взимали налоги, они решали, какое государство удостоить торговых отношений, а какое наказать запретом на торговлю, они защищали жрецов – и те, не упуская из виду соотношение сил, если открывали рты, то вещали голосом зеленых рубашек. А страже все это удавалось потому, что она обороняла город флотом и оружием.

А потом пришел Аннур и убил их.

Конечно, на их место поставили других. Империи хватало ума и коварства сохранить должности, заменяя людей, а не возиться с полной переделкой государственного устройства. В названиях сокрыта немалая сила, и люди далеко не сразу понимают, что под прежним именем подается что-то иное. Как случилось с зелеными рубашками: непобедимые защитники города обернулись заурядными стражниками и теперь разнимали пьяные драки в гавани и тащили в имперский суд самых явных смутьянов. Прежние владыки Домбанга стали прислугой, но и прислуга бывает опасна, если вооружить ее копьями, луками и подпереть сзади всей тяжестью империи.

Вышедший на площадь патруль был в обычном составе: четверо солдат в зеленых накидках на кольчуги. Заметно было, что солдаты старались сохранить блеск своих доспехов, да только в беспощадном зное Домбанга, где влага перемешана с солью, тонкий налет ржавчины на звеньях кольчуг пропечатался на линялой зеленой ткани, будто все эти люди неделя за неделей пачкались в крови из мелких ранок. И все же в сравнении с зелеными рубашками моего детства они выглядели более собранными и подтянутыми – тут я заподозрила влияние Рука. Впрочем, и прежней расхлябанной солдатне трудно было бы не заметить голозадного пьяницу, орошающего памятник основателю города.

– Гражданин! – заорал старшина, здоровенный мужчина, хотя мышцы у него с возрастом начали переплавляться в жир.

Пьяница не услышал – все таращился на свою красную ладонь.

– Гражданин! – вновь заорал стражник.

Подчиненные вслед за ним ускорили шаг.

Гуляки почуяли беду и попытались оттащить дружка, но тот запутался в упавших штанах, да и соображал спьяну плохо, так что хватило его только на то, чтобы выставить вперед липкую ладонь.

– Красная длань... – бормотал он и добил себя, процитировав Чонг Ми: – «Я видела кровавые длани, десять тысяч кровавых дланей вздымались из вод, сокрушая город».

Старшина зеленых рубашек вздрогнул так, будто слова вонзились ему в грудь. Опомнившись, он нацелил копьё и гаркнул приказ. Двое солдат, припав на колено, взяли злополучного дурня на прицел.

Я подсматривала из тени, поражаясь, как быстро мои ночные художества довели до насилия. Красные длани, по моему замыслу, были лишь первым шагом. Я была готова к тому, что они останутся незамеченными. Что такое несколько пятен краски в многоцветном Домбанге? Даже расписывая я ход событий заранее, более удачного оборота не выдумала бы. Как будто древние боги дельты, стоя у меня за спиной, в угрюмом молчании наблюдали, как я повергаю в хаос предавший их город.

Один из гуляк – он казался трезвей остальных, хоть и потерял где-то свой жилет, – подняв руки, выступил вперед.

– Нет... – заикнулся он, – это не... мы не...

– Лечь на землю! – рявкнул старшина, сопровождая приказ движением копьё. – Всем лечь!

Голый по пояс гуляка сделал еще шаг, – видно, ему представлялось, что вблизи легче будет уладить недоразумение. Он двигался с поднятыми руками, как лунатик, медленно, но неудержимо, а осознавший, что ему грозит, пьянчуга у памятника тем временем силился натянуть штаны. Остальные окаменели наравне с Гокм Ми и в свете фонарей казались красными.

– Слушайте, – заговорил полуголый. – Послушайте...

Он уже подступил к старшине и робко, защищаясь, протянул руку к его копьё. Напрасно он это сделал. Старшина резко отвел копьё, и от этого рывка дернулся стоявший с ним рядом. Такая мелочь: мотнулась голова, напряглись плечи, пальцы, спеша сжаться в кулак, задели спуск арбалета. Болт вошел парню в брюхо – на редкость неловкий выстрел на таком расстоянии. Раненый ахнул, в ужасе уставившись на свой развороченный живот с неприлично торчащим древком. Он уже был в руке Ананшаэля – я это видела по наклону болта и смертной пелене у него на глазах, – но человеческое тело упрямо, оно долго противится смерти. За оставшееся ему время умирающий успел качнуться вперед, протянуть перед собой руки, и тут снизошел мой бог, невидимый, непогрешимый, чтобы снова решительно спустить колеблющиеся струны смертного инструмента.

Я насмотрелась драк. Большей частью они заканчиваются разбитыми носами и кулаками. Никому не хочется умирать, и люди нутром чувствуют: чтобы избежать смерти, лучше и в

драке не давать себе воли. Почти в любой драке есть негласные правила: лежачего не бить, в глаза не целить, драться стульями и бутылками, но не кирпичами и не камнями. Если кто-то и хватается за нож, то чаще всего медлит, позволяя другим вмешаться и себя обезоружить.

Но как только кто-то схватил болт в живот, все правила отменяются.

Все произошло так быстро, словно насилие давно было наготове и только и ждало, когда его спустят с цепи. Умиравший в последнем страшном усилии схватился за копье. Второй арбалетчик выстрелил. Кто-то из гуляк обратился в бегство, другие с яростными воплями ринулись в бой. Копья встретились с телами. Пальцы сомкнулись на глотках. Растянулись губы, открыв кровавые оскалы. Крики. Объятия, крепче любовных. Проворачивающаяся в кишках сталь. Плещущая на булыжники кровь. Злобные пинки, тычки, еще и еще, и вот, после финального крещендо, все кончено.

– Да будет бог к вам милостив, – тихо пробормотала я.

Бог, конечно, уже ушел. Ананшаэль не задерживается на месте, получив свое. Остались только тела – одиннадцать мертвецов на булыжной мостовой под непроницаемым взглядом Гока Ми: семеро мужчин, совсем недавно выпивавших и горланивших песни, и четверо зеленых рубашек. Я всегда находила прекрасной эту последнюю неподвижность, способность мертвых найти покой даже в самых неловких позах.

Уцелевшим гулякам – их осталось четверо, в том числе, как ни странно, тот, что мочился на стацию, – такого покоя не выпало. Они, разинув рты и тяжело дыша, пялили глаза, будто мир в единый миг обернулся загадочной книгой на неведомом языке крови и изувеченных тел.

Наконец один из них ухватил приятеля за плечо. Они молча побрели в темноту, стук их сандалий эхом отозвался в ночи. Я и раньше знала, что мир хрупок, но не представляла насколько. Когда я наконец отвернулась, на площади оставался один Гок Ми, озиравший ее пустыми каменными глазами.

Слежку я заметила только перед рассветом.

Я много часов моталась по городу, прилепывая на каждое свободное место отпечаток ладони. От Первого острова перешла в Старую гавань – давно заилившуюся якорную стоянку с лабиринтом гниющих корабельных корпусов; дальше был Малый Баск, где жители, большей частью черней угля, говорят на сложной смеси аннурского с языком их старого острова; а потом забралась на Верха – остров чуть выше человеческого роста, высокий только в сравнении с остальными низинными островами Домбанга. Я немного задержалась на рынке перед Новой гаванью, разглядывая покачивающиеся на якорях громады судов и размышляя, не пуститься ли вплавь, чтобы измазать краской их борта, но отказалась от этой мысли. Хоть я и росла едва ли не рыбой в домбангских каналах, но в сухой пустыне Рашшамбара подрастеряла навыки и усомнилась, что сумею доплыть, не начерпав воды в горшок с краской.

К тому времени, когда предрассветное солнце запятнало розовым восточный небосклон, я, десять раз пополнив краской глиняный сосуд, оставила по городу сотни кровавых дланей. В пророчестве говорилось о десяти тысячах, но я понадеялась, что пересчитывать никто не станет. Однако до возвращения в гостиницу я решила зайти на Первый остров – посмотреть, что вышло из смертоубийства на площади. С низкого висячего мостика я заметила ступившую на мост темную фигуру и, уже отворачиваясь, припомнила, что за ночь видела ее не раз, и всегда на некотором расстоянии – через канал или в нескольких рыночных рядах. Лицо под широкополой шляпой скрывалось в тени.

Сердце у меня подскочило, но я не сбилась с шага, сохранив непринужденную походку, которой держалась с вечера.

«Коссал», – подумалось мне.

Долговязая фигура напоминала жреца, да Коссал и обязан был повсюду за мною следить. Чудо, как я не заметила его раньше. Но, сворачивая за угол, я как бы невзначай обернулась

через плечо и поняла, что вовсе это не Коссал. Не Коссал и не Эла – этого человека я видела впервые. Меня преследовал незнакомец, но, когда он ступил в пятно света под качавшимся фонарем, я с холодным ознобом узнала его одежду: обтягивающие штаны из рыбьей кожи с отблесками красного на черной чешуе и наручи змеиной кожи от локтя до запястья, куртка со шнуровкой на груди... И татуировка на лице была мне знакома. То, что я впотьмах приняла за тени, было чернилами – черные линии тянулись по смуглой коже от шеи до линии волос. Я знала этот рисунок. Его знал каждый уроженец Домбанга. Знак Вуо-тона.

Большинству жителей Домбанга город представлялся единственной надежной гаванью. Выйти за границы города, пересечь мост, связующий его с внешним миром, – смерти подобно. Даже городские рыбаки не отплывали больше нескольких миль от прирученных окрестностей. Дальше жизни нет. Об этом знал каждый. Каждый, кроме вуо-тонов.

Согласно преданию, они были потомками домбангцев и происходили от тех же запуганных переселенцев, что нашли убежище в дельте. Но когда Домбанг разросся от кучки хижин до деревушки и от деревушки до города, эти люди объявили, что городская жизнь расслабляет. Слишком далеко город оттеснил дельту, твердили они, слишком безопасна в нем жизнь. Они пытались вернуть город к старым обычаям, а не добившись успеха, ушли, основали в дельте новое поселение на несколько сотен человек, поближе к опасности, чтобы не забывать внушенных дельтой уроков. И чтобы помнить своих богов.

Жители Домбанга много лет разыскивали это поселение. Безуспешно. Настолько, что охотно поверили бы, будто вуо-тонов вовсе не осталось, если бы те не появлялись изредка в городе – поодиночке или по двое, в одежде из кожи удавов и анаконд, с изрисованными под тростниковые стебли лицами. Обычно они приходили для меновой торговли – выменивали железо, сталь, стекло и прочее, чего не могли произвести сами. Как правило, через день-другой они снова скрывались в дельте на узких, как змеи, челнах, растворялись в камышах, сбивая с толку тех, кто захотел бы их выследить. Я знала всего один случай, когда человек из Вуо-тона задержался в городе.

По соседству с нами жила одна женщина – Чуа Две Сети. О ней рассказывали легенды. Она выросла в дельте среди вуо-тонов и отказалась от своих, перебравшись в город ради любви. Не сказать чтобы любовь ее смягчила. Плечи и руки, полжизни работавшие веслами и тянувшие сети, были крепки как сталь. Она три года подряд выигрывала лодочные гонки на Большом канале, несмотря на то – по ее словам, благодаря тому – что перед состязанием выпивала целую бутылку квея. Однажды она голыми руками задушила десятифутовую водяную змею и сшила из ее черной кожи жилет, блестящий, как вода в полночь. Лучшего пловца я не встречала ни среди женщин, ни среди мужчин. Насколько мне известно, никто, кроме нее, не выживал в дельте без лодки.

Когда ее старое каноэ обнаружилось в плавучем островке западнее города, мы решили, что Чуа пропала, и все же после целой ночи споров, опасений и упреков несколько рыбаков, ее товарищей, пустились на поиски. Только как искать, если на воде следов нет, ил людей сразу затягивает, а ежедневная предвечерняя буря смывает все запахи? Товарищи Чуа взялись ее искать не потому, что надеялись найти, а потому что слишком страшно было представить затерянного в дельте человека, и каждый втайне боялся, что однажды шторм вынесет его опрокинутое каноэ; страшился мысли об одиночестве в лабиринте протоков и надеялся, что, случись такое с ним, и его попытаются отыскать.

Чуа они не нашли, но дней через десять она вернулась – пошатываясь, прошла по мостику, который соединял наши подгнившие причалы с соседним островком. Две Сети была крепче всех моих знакомых, но вернувшуюся в город женщину узнать было нельзя – одна рука до локтя почернела и опухла от укуса паука, икру обглодали кoirны, а нетронутую ими кожу в кровь изрезали копейные камыши. Чуа хватило стойкости, чтобы не уступить смерти, но в дельту она больше не возвращалась. Еще больше нас пугало то, что она никогда не рассказы-

вала о пережитом, а просто сидела в своей халупе, выстроенной как можно дальше от воды. Сидела и пила. Любопытную ребятню она отгоняла рыбацким копьём-острогой и снова принималась пить, уставив мрачный непроницаемый взор в темное течение прошлого.

Но за мной следила не Чуа. Этот был выше ростом и мускулистее, хоть и двигался с такой же змеиной грацией.

На миг мы встретились глазами. Он улыбнулся, показав заостренные зубы, и нырнул в тень переулка.

Я сделала два шага следом и остановилась. Убить его я бы сумела – возможно, – если бы не требования, наложенные Испытанием. Петть он и не думал. И на беременную не походил. Так что мне оставалось? Догнать его в переулке и пристать с вопросами? Непонятно, зачем бы вуо-тону за мной следить, но моему делу он не препятствовал. И даже одобрял, если судить по улыбке. Вуо-тоны торговали с городом, но не питали к нему любви – потому-то и покинули его в давние времена. Очень может быть, следивший за мной мужчина обрадуется, увидев, как мои кровавые длани снесут оплот цивилизации в дельте.

Возвращаясь на Первый остров, к памятнику Гоку Ми, я снова и снова прокручивала в голове те же вопросы. Домбанг казался очень подходящим местом для Испытания. Собственно говоря, единственным подходящим местом. В Домбанге я родилась. Здесь принесла первые дары богу, хотя тогда не считала их дарами. Жизнь в Домбанге привела меня в Рашшамбар. Я думала, что непременно должна вернуться, а вернувшись, обнаружила, что город представляется мне ловушкой, будто мое прошлое было вовсе не прошлым, а подпертой тонкими палочками тяжелой крышкой, готовой от любого неосторожного движения свалиться мне на голову.

Гул, похожий на гудение миллионов насекомых, я слышала, еще не доходя до площади, но вблизи узнала многоголосый гомон толпы. Чего-то я ожидала (без малого дюжина порубленных тел обычно привлекает внимание), но не предвидела, что вся площадь будет забита – двух шагов не ступить свободно. Похоже, сюда высыпало все население острова: рыбацки в широких промасленных фартуках; корабельщики в рубашках и юбках-ноках, с орудиями своего ремесла на поясе; торговцы, отвлеченные суматохой от лотков и прилавков; возчики, оставившие свои дела отчасти потому, что и так не проехать, а отчасти, как и все, призванные к статуе Гока Ми любопытством. Взрослые собирались плотными кучками, перешептывались, мрачно поглядывали за плечи собеседников, остерегаясь подсматривающих и подслушивающих. Разговоры шли разные, но я раз за разом слышала слова: «Чонг Ми. Кровавые длани. Восстание».

К середине площади толпа резко поредела. И понятно почему. Вокруг статуи и трупов у ее подножия цепью выстроились с десятков зеленых рубашек с арбалетами и короткими копьями. Они одни здесь были при оружии, они же были больше всех насторожены, если не испуганы.

– Назад! – рыкнул уродливый молодой стражник, которого не красила и большая бородавка на носу; беспокойно переминаясь с ноги на ногу, он тыкал в толпу копьём. – Держись подальше, не то заколю!

Передний ряд попятился от стальных наконечников, но те, что стояли за спинами, держались храбрее.

– Валите в свой Аннур, зеленые! – выкрикнула какая-то женщина.

Я обернулась, но высмотреть крикунью в толпе не сумела.

– А то идите сюда, – добавил другой голос. – Мы вам эти копья в жопу загоним.

На лбу у бородавчатого проступил пот. Он все оглядывался через плечо, явно мечтая, чтобы люди у него за спиной поскорей заканчивали, пока не дошло до беды.

Я не сразу разобрала, чем там занимаются: в просветы мне видны были только фрагменты картины. Тела как упали, так и лежали. Двое зеленых рубашек, стоя на коленях в лужах крови, обшаривали трупы – уж не знаю что надеясь найти в их карманах. Я чуть передвинулась, чтобы

рассмотреть постамент. Моя метка осталась на месте, красная краска при свете дня бросалась в глаза. Впрочем, меня интересовал не знак, а мужчина рядом. Он изучал кровавую ладонь, стоя спиной и ко мне, и к толпе, но я узнала разворот широких плеч и маленький шрам в виде крючка – моих рук дело, – поблескивавший на бритой голове над ухом. Этот, в отличие от остальных зеленых рубашек, был без доспеха. Я как будто услышала теплый усмешливый шепот над ухом: «Проворному сталь ни к чему». Не было на нем и орденской формы. Вместо зеленой накидки он надел поверх полотняной рубахи светлую облегающую куртку с открытым воротом. Ни эмблем, ни знаков различия. Я не сдержала улыбки: Рук Лан Лак никогда не был примерным солдатом.

К нему робко приблизился один из зеленых рубашек.

– Командор, – обратился он почтительно (я едва расслышала голос).

Рук не шевельнулся. Застыв как статуя, он изучал краску, будто надеялся сквозь нее разглядеть скрытый в глубине камня секрет.

– Командор, – уже громче позвал стражник. – Толпа волнуется.

На сей раз он обернулся. Я помнила его зеленые глаза – зеленые, как море перед бурей, как густой лес под вечерним ливнем, – и все равно что-то шевельнулось у меня под ложечкой.

«Эла сочла бы это благоприятным знаком», – подумала я, всматриваясь из-под ладони в его лицо.

Похоже, нос ему еще раз сломали, и на подбородке бугрился новый шрам. И все равно ни шрам, ни приплюснутый нос не портили его высоких скул, гладкой бронзовой кожи, серьезного излома бровей. Пожалуй, без следов насилия лицо его было бы слишком миловидным. Зеленые рубашки готовы были удариться в панику, а он словно только сейчас заметил народ на площади.

– Волнуется... – Он покачал головой. – Не выношу этого слова.

– Командор... – Стражник покосился через плечо.

– В нем слышится «волны», – пренебрегая шумом, пояснял Рук. – Оно укачивает, убаюкивает...

Помолчав, он хмуро обвел взглядом площадь:

– ...Чего я здесь определенно не замечаю.

– Командор? – снова заговорил зеленый (словарный запас его, видно, был небогат).

Рук кивнул, обошел его и, выступив вперед, возвысил голос – теплый глубокий баритон:

– Кто хочет рому?

Мало кто ждал рома в награду за бесчинства, и люди, уловившие его слова, как будто смешались. Они, шурясь и поджимая губы, проталкивались вперед, чтобы лучше расслышать. Рук всегда умел обращаться с толпой.

– Понимаю, все это завлекательно. – Он указал через плечо большим пальцем. – Мертвые тела, отпечаток ладони. Но уверяю вас, на самом деле это скучно. Лично я ничего завлекательного не вижу. Нам теперь все утро таскать трупы в крематорий, оттирать кровь с мостовой, чистить памятник, а потом, вернувшись в Кораблекрушение, до вечера писать скучнейшие доклады. А вот тем из вас, кому не интересно на это смотреть, могу предложить бесплатную выпивку.

Он выжидательно поднял бровь.

– Выпивкой нас не купишь, – проревел кто-то из толпы.

– Какое благородство! – умилился Рук. – Рад, что здесь есть люди с принципами. Они проследят за уборкой. Что до остальных, в Новой гавани утром причалило судно из Селласа – «Ярость Рошина». С грузом красного рома и оливок. Приходите к постам с корзиной и большим кувшином – мои люди наполнят то и другое.

Договорив, он тут же повернулся к толпе спиной. Остальные зеленые рубашки бросали на собравшихся опасливые взгляды, изготовившись к атаке, но я-то видела, как из уст в уста переходит новость: «Ром. Ром задарма», и толпа подтаивает по краям. Корзина оливок и кув-

шин красного рома – для мало-мальски состоятельного купца соблазн невелик, но на площади собрались не купцы. Оливки в Домбанг приходилось возить за триста миль, а красным ромом здесь доводилось полакомиться раз в году – на свадьбах или на поминках.

Трупы, конечно, никуда не делись, и мой отпечаток, быстро подсыхающий на утренней жаре, тоже. И в толпе еще металась злоба, но быстро остывала; Рук устроил так, что этой злобе не нашлось применения, некуда было ее направить. Понятно, почему аннурские власти умоляли его вернуться в город и принять командование над зелеными рубашками: на моих глазах он предотвратил бунт ценой нескольких бочонков рома.

«Я предпочитаю такие сражения, – говаривал он, – в которых могу победить без лишних колотушек».

Странно было слышать это от человека, увлекавшегося кулачными боями, и я никогда не принимала этих слов всерьез. Мне казалось, Рук всегда готов к бою и ждет его с нетерпением. Хорошо, если так, потому что сражение, неведомо для него, уже началось, и, если обернется по-моему, кулаками дело не ограничится.

4

Я вернулась в гостиницу, когда солнце уже высоко поднялось над остроконечными крышами. За деревянными столиками по одному или по двое сидели несколько десятков гостей, попивали горячий та, вытаскивали из мисочек влажные от росы фрукты, двигались медленно и говорили тихо, щадя свои похмельные головы.

На площадке перед входом меня встретил гологрудый молодой подавальщик.

– С возвращением в «Танец»! – Он хитровато улыбнулся уголком губ.

Я вдруг представила, как это должно выглядеть: явно усталая молодая женщина в мятой со вчера одежде, растрепанная, тайком возвращается на рассвете в свою гостиницу.

– Надеюсь, вы приятно провели вечер, – откровенно добавил парень.

– Так себе, – глядя ему в глаза, пожала я плечами.

– Вы меня огорчаете. – В его усмешке не было и тени огорчения. – Страшно подумать, что у такой женщины, как вы, сложится дурное мнение о нашем городе. Не позволите ли сопроводить вас нынче вечером? Если вам по вкусу сливовое вино, я знаю одно заведение...

– Предпочитаю квей, – перебила я.

Он поднял бровь:

– Крепкий напиток для крепкой женщины. Я знаю место...

– Восхитительно, однако сейчас мне нужен тихий столик и общество большой чашки та.

Незаметно было, чтобы моя резкость его обескуражила. Он подмигнул и с отработанным полупоклоном указал мне местечко в дальнем конце площадки, у самых перил. Усаживаясь, я поймала себя на том, что постукиваю пальцем по пристегнутому к бедру ножу. От памятника Гоку Ми я уходила в превосходном настроении, а вот заигрывания юнца почему-то его подпортили. Дело было не в его авансах – мне приходилось тысячу раз получать предложения и похуже в десятке разных городов. По правде сказать, меня задела обыденность разыгравшейся сценки: пригласил он меня так легко и отказ принял с полным равнодушием. Это напомнило мне, что множество людей без труда правят путь по морям романтики и соблазна; что всем, кроме меня, так легко даются любовь и ее более грязные производные.

– Дурная привычка.

Подняв глаза, я обнаружила, что напротив сидит Коссал. Он сделал единственную уступку домбангской жаре – сменил тяжелое одеяние на другое, из тончайшей шерсти.

– Разговаривать с людьми? – уточнила я.

– И это тоже. Но я о ноже.

Я спохватилась, что так и постукиваю по нему пальцем. Поморщилась и отвела руку, взялась вместо ножа за чашку.

– Где Эла? – спросила я.

Он, пожав плечами, выложил на стол свою флейту.

– Запуталась в голых телах, полагаю.

Пока Коссал махал подавальщику, требуя и себе чашку та, я всматривалась в его морщинистое лицо. Ему не шло слово «старый» – оно слишком крепко связано с другими: «дряхлый», «хворый». Годы не обошли Коссала – на его бритой голове виднелись старческие пятна, на длинных изящных пальцах выпирали узловатые суставы, – но жрец, как добрая сталь и хорошая кожа, с годами делался лишь крепче, будто его тело десятилетиями только и дожидалось старости. Его связь с Элой казалась необычной, но не нелепой.

– Тебя это не волнует? – спросила я.

– Волновало когда-то. В прежние годы я отдавал богу всех ее любовников.

– Сколько таких набралось?

– Сорок пять.

– А твои знакомые среди них попадались? – захлопала я глазами.

– Четверо жрецов Ананшаэля и две жрицы. Одна была старой подругой.

– Ты поэтому остановился?

Коссал, пригубив та, покачал головой:

– Остановился, потому что мне за ней было не угнаться. Она меняет постели быстрее, чем я успеваю убивать.

Я еще не придумала, что на это ответить, когда от столика поодаль донеслось громкое восклицание. Обернувшись, я увидела, что рослый мужчина в голубом жилете торопливо шепчет что-то склонившимся к нему людям. Слышно было плохо, но «Гок Ми» и «кровавые длани» я уловила.

– Так-так, – протянул Коссал, разглядывая меня сквозь поднимавшийся над чашкой парок. – Как видно, слухи о твоих ночных трудах от тебя не отстали.

Он не то чтобы кричал, но и не понизил голоса.

– Ты следил за мной?

– Пришлось, – кивнул он.

– Я думала, ты поблагодаришь меня за знакомство с величайшими городскими монументами.

– Монументы – это вершины Анказа. А тут гнилые доски и уйма тухлой воды.

– Я тебя не видела.

– Разумеется. Ты так увлеклась живописью.

– А ты заметил, что за мной еще кто-то следил? – нерешительно спросила я. – Высокий, с татуировкой на лице.

– Неподходящая наружность, приметная, – кивнул жрец.

– В городе – да. А в дельте его лицо сливается с камышами.

– Рыбак?

– Городские рыбаки с лодками не расстаются, – покачала я головой. – Он из Вуо-тона.

– Полагаю, это что-то значит?

– Первая кровь.

– Теперь все яснее некуда!

– Вуо-тоны вскоре после основания города покинули Домбанг. Устроили в дельте отдельное поселение.

– Поближе к крокодилам?

– Поближе к своим богам.

Коссал цыкнул зубом, отхлебнул та и покатал напиток во рту, изучая мое лицо.

– Расскажи, что за боги, – наконец попросил он.

Я едва открыла рот для ответа, как мир словно завалился набок. В глазах у меня жарко полыхнуло, вспышка заслонила Коссала, площадку, канал, весь город. Остался только бесконечный, словно небо, свет, а потом из сияния всплыли два узких зрачка. Они были черные, как полночь, – одни зрачки, но мне почудилась в них хищная радость.

«Нет», – хотела сказать я.

То же слово, что всегда силилась сказать, когда эти глаза всплывали передо мной во сне или в видениях наяву. Нет. И как всегда, слово не шло. Я ухватила за столик, удержалась, и наваждение ушло, уступив место Коссалу и проступающему за ним миру. Коссал все так же сидел напротив, шурился с любопытством, и, к моему облегчению, зрачки у него были круглые.

– Не хочешь объяснить, что это было? – спросил он.

Я замотала головой, разгоняя остатки видения.

– Просто устала.

Коссал многозначительно глянул на мои руки, еще стискивавшие край столика.

– Утомительное занятие держать в руках мебель, – заметил он.

Я не сразу смогла разжать пальцы. Пошевелила ими на пробу.

– До Аннура Домбанг поклонялся другим богам. Местным божествам, созданиям дельты.

– Их когда-нибудь видели?

Я уставилась на него, загоняя в глубину хлынувший в жилы ужас.

– Ты когда-нибудь видел красную ворону?

– Таких не существует.

– Как и старых богов Домбанга.

Ко мне снова подступило слепящее головокружение, но я удержала взглядом лицо Коссала и втянула в легкие воздух. К тому времени, как выдохнула, дурнота прошла.

– В этом городе попадают люди, – помедлив, ответил Коссал, – с поразительным усердием служащие несуществующему.

На площадке «Танца Анхо» опаска вытеснила расслабленность. Люди сутулились, пригибались над столиками. Тихие голоса сменились шипящими шепотками. С моего места все здесь походило на заговорщиков.

– Возьми любой город Эридрои... – Я снова повернулась к Коссалу. – Всюду плетут сказки о старых богах.

– Здесь, по-моему, сказками не ограничиваются, – заметил Коссал. – Одно дело травить байки у камина, а другое – подпилить опоры переправы, скормив прохожих крокодилам.

– Местные мифы укоренились глубже, потому что правды горожане своими глазами не видели.

– Правда всплывает, куда ни глянь. Ты про которую?

– Я о правде богов. Первые поселенцы Домбанга тысячи лет назад бежали сюда от войн с кшештрим. Они нашли в дельте укрытие, одно из немногих мест, куда кшештрим не добрались.

– Если уж их покорил Аннур, ставлю свою задницу, что и кшештрим это было по силам, – фыркнул Коссал.

– Может, они и справились бы со временем. Но времени у них не было. Младшие боги снизошли в человеческих телах и переломили ход войны. – Я покачала головой. – Только жители Домбанга ничего об этом не знали.

– Слишком глубоко запрятались.

– Вести о молодых богах распространились по всему Вашшу и Эридрое, а сюда не добрались, – кивнула я. – Или добрались много позже, когда война тысячу лет как закончилась и город открылся для торговли. К тому времени сложились местные легенды, а те истории, что могли бы их заменить, ушли слишком далеко в прошлое и никого не вдохновляли.

Коссал задумчиво постучал пальцами по чашке и опять взглянул на меня:

– Тебя, однако, местная склонность к суевериям как будто не коснулась.

– Меня освободил великий бог.

– Нет, еще не освободил, – возразил Коссал.

– Ну так освободит. Ананшаэль что ни день оставляет в мире свой след. В отличие от так называемых богов дельты.

– Которых ты считаешь всего лишь выдумкой?

– Между выдумкой и подлинными бессмертными божествами, ползающими в камышах, я выбираю выдумку.

Жрец изучал меня, изнутри щупая языком впалую щеку.

– Бессмертны не только боги.

– Ты о кшештрим? – уточнила я, не сразу уловив его мысль. – Или о неббарим?

– Неббарим – это миф, – пренебрежительно отмахнулся Коссал.

– Как и кшештрим, – ответила я. – Теперь уже точно. Мы их всех перебили в войнах.

Коссал нахмурился, взял со стола свою флейту и, не поднимая к губам, обозначил пальцами несколько нот.

– Не всех.

Я уставилась на него:

– Ты думаешь, кто-то выжил? Скрылся?

– Я это знаю. – Его пальцы сыграли короткое арпеджио.

– Откуда?

– Большую часть своей жизни я охочусь за ними.

– Не всякий охотник находит добычу, – ответила я.

– Двоих я нашел. Обоих отдал богу.

Он проговорил это так равнодушно, так небрежно, будто зарезал овцу или выпотрошил рыбу, а не отыскал и убил последних выживших бессмертных. Подняв флейту к губам, он проиграл несколько нот веселой мелодии, которую мы слышали при входе в город, перевел мелодию в минор, замедлил темп, и плясовая вдруг обернулась заубойной.

– Зачем бы кшештрим стали прятаться в дельте? – спросила я, еще не вполне поверив.

Коссал, проиграв несколько тактов, опустил флейту.

– Надо же им было где-то прятаться. На них это похоже.

– Зарывшись в грязь?

История описывала их иначе. Хроники рисовали кшештрим бездушными, но блистательными созданиями: зодчими, изобретателями, овладевшими недоступным человеку знанием.

– Став богами, – поправил жрец. – Обратив в свою пользу людское легкоеверие. Они могли задумать Домбанг как эксперимент.

– Первые его жители как раз от кшештрим и бежали, – упорствовала я.

– А если побег не удался? – повел бровью Коссал.

Мое воображение отказывалось это принять: Домбанг, его тысячелетняя история, сотни тысяч горожан – игрушка горстки бессмертных?

– Ты думаешь, они здесь?

– Возможно, – пожал плечами жрец. – Или нет. Я не буду гадать.

– А если да?

– Им давно пора повстречаться с нашим богом.

Он постучал флейтой по ладони, то ли взвешивая ее, то ли пытаясь выколотить застрявший звук, и снова поднес инструмент к губам.

5

Проснувшись, я увидела разлитый в небе предвечерний свет. Ножи, хоть и не использованные ни разу после моста, я вытянула из чехлов и провела по клинкам промасленной тряпичей, после чего снова пристегнула к бедрам. За пятнадцать лет я привыкла к ним, как к одежде, каковую сейчас сменила на местные свободные штаны и высохший жилет. Выйдя на площадку, я заметила за столиком у стойки Элу с кувшином охлажденного сливового вина.

– Пирр! – радостно окликнула она, помахала рукой и знаком попросила полуобнаженного прислужника принести второй бокал.

Наливая мне, она с откровенным восхищением любовалась его лепными мускулами, а потом сунула парню серебряную монету. Он, дивясь такой щедрости, поднял бровь и благодарно кивнул. Эла, склонив голову к плечу, улыбнулась.

– На эти деньги могла бы купить еще бутылку, – заметила я, когда подавальщик отошел. Эла весело рассмеялась:

– Мне не бутылка нужна. – Она оттопырила губы, отхлебнула вина и добавила: – Не только бутылка. Как прошла ночь? Я послушала, о чем говорят здесь, на площадке...

Нагнувшись поближе ко мне, она промурлыкала:

– Ты нашалила?

Я приказала себе сидеть как обычно, не коситься через плечо.

– Какая таинственность! – улыбнулась Эла шире прежнего. – Расскажешь?

– Немножко разрисовала... – отозвалась я, понизив голос.

– Скучную преамбулу с разжиганием мятежа можешь пропустить, – нетерпеливо отмахнулась она.

– И одиннадцать трупов посреди городской площади тебе не интересны? – удивилась я.

– Люди, Пирр, только и делают, что умирают. Мертвецов я на всю жизнь навиделась. Перейдем к чему получше.

– К чему получше?

– К восхитительному мужчине, – блестя карими глазами, пояснила она, – ради чьей благосклонности ты... разукрасила весь город.

Я с присвистом вдохнула сквозь зубы. Все посетители шептались друг с другом, и каждый настороженно поглядывал на соседей.

«Мы ничем не выделяемся», – уверила я себя, хотя это было не совсем так: из всех присутствующих одна Эла выглядела совершенно спокойной.

Облокотившись на столик, она водила пальцем по краю бокала и разглядывала меня. И конечно, из всех присутствующих одна я провела ночь, осуществляя пророчество по всему, поцелуй его Кент, городу.

– Ты его видела? – прищурившись, спросила Эла.

– Видела, – признала я, не зная, что добавить.

– Пирр, – нарушила молчание Эла. – Мне случалось отдавать богу женщин, зливших меня куда меньше, чем ты сейчас.

Она опрокинула кувшин над моим стаканом, нетерпеливо встряхнула и подождала, пока я выпью остатки вина.

– Ты с ним говорила?

Я мотнула головой.

– Он тебя видел?

– Нет.

– С каждой минутой все скучнее, – нахмурилась Эла. – Придется тебе порадовать меня другим рассказом.

- Каким другим? – опешила я.
- О вашем знакомстве.
- Уверена, что там есть о чем рассказывать? – спросила я, отведя взгляд на узкую дорожку.
- О, милая моя, всегда есть о чем рассказать!

Впервые я увидела Рука Лан Лака в девятнадцать лет. Случилось это в Сиа, в Затопленном квартале старого города в сотнях миль от Домбанга. Я не его искала в тот вечер, да и никого не искала. Свою комнатку на берегу озера я покинула ради музыки. К тому времени я прожила в Сиа почти восемь месяцев, и, хотя музыка в этом городе, как в любом другом, встречалась (в портовых тавернах распевали, взгромоздившись на бочки, грубыми мужскими голосами; за открытыми окнами изящных особняков изысканные трио исполняли мелодии, ради которых я задерживалась посреди улицы), мне доставало музыки Рашшамбара.

Приверженцев Ананшаэля петь учат прежде, чем держать лук или клинок. Десятилетние ребята, швыряющие камушки в пустоту с обрыва, лучше мастеров-бардов разбираются в полифоническом исполнении. В Сиа мне нравилось. Нравились пряные кушанья и рассветы над озером, но по рашшамбарской музыке я скучала, и, узнав, что «Певцы госпожи Аслим» – легендарный хор, щедро оплачиваемый старухой, – будут выступать за пределами ее недоступного жилища, я, конечно, собралась послушать. А уж когда объявили, что в программе «Гимн Забытых» Антрима, никто бы меня не удержал.

Так я думала, пока не столкнулась с Руком.

К старому храму в Затопленном квартале я пришла заранее. Вход на концерт был свободным – госпожа Аслим внесла свой вклад в празднование восьмисотлетней годовщины Сиа. Я думала, что в каменный зал будет не протолкнуться, но за час до начала половина длинных деревянных скамей еще пустовала.

«Грустно, но объяснимо», – подумалось мне.

По случаю праздника улицы за стенами храма загромодили жонглеры и глотатели огня, акробаты и разносчики. Мне на пути сюда пришлось обходить забитую людьми площадь Адиба, где шло мрачное представление братства Стальной Плоти: к ужасу и восхищению зевак, братья, продев крюки сквозь мышцы груди и спины, подвешивали себя над мостовой. Хор госпожи Аслим был известен в определенных кругах, однако хоралы Антрима – длинные, сдержанные, сложные в восприятии произведения – не слишком подходили для буйного праздника. Разница в числе собравшихся доказывала, что сианцы предпочитают старинным хоралам пышную глотательницу шпаг.

Меня это вполне устраивало.

Я попала в Сиа в порядке подготовки к служению богу – приверженцы Ананшаэля должны свободно и уверенно чувствовать себя везде и всюду, – но, даже прожив больше полугода в тесноте старого города, все еще плохо переносила толпу. В давке мне слишком часто вспоминалось домбангское детство и слишком редко – просторное небо Анказских гор. Ради Антрима я готова была терпеть толкотню, но еще больше порадовалась, высмотрев для себя свободную скамью в самой глубине храма, в полудесятке шагов от ближайшего соседа. И куда меньше обрадовалась, когда на скамью кто-то подсел, хотя в зале было полно более удобных мест.

Я отодвинулась на самый край, вплотную к стене, и раздражено оглянулась. Мой новый сосед – молодой человек лет двадцати пяти – меня будто не замечал. И неудивительно, учитывая, что правый глаз у него, заплывший в пятне свежего синяка, почти не открывался. Да что там глаз! Нос совсем недавно сломали и вправили, но и теперь у меня на глазах на верхнюю губу сползла капелька крови. Парень рассеянно стер ее рукавом, оставив на переднем зубе красную полоску. И ухо у него было порвано вверх от мочки, как будто кто-то пытался

оторвать его зубами. Из раны на воротник рубашки тоже стекла струйка крови. А рубашка была форменная, легионерская, хотя, насколько я знала, покажись он в таком виде на службе, войку бы на три дня забили в колодки.

«Напился, – была моя первая мысль, – и ищет место потише, чтоб отоспаться».

Мне пришлось в голову вытащить его из зала и загнать в какой-нибудь переулок, чтобы не помешал исполнению. С другой стороны, он был тяжелей меня и, судя по всему, не дурак подраться. Можно было отдать его богу – прямо здесь перерезать горло, но, если слушатели заметят на древних камнях лужу крови, суматоха сорвет концерт.

Я хранила возмущенное молчание, недовольно разглядывая соседа, пока не сообразила, что тот вовсе не пьян. Парень закрыл и второй, целый, глаз, но, судя по дыханию и наклону головы, не спал. С закрытыми глазами он выглядел внимательным, едва ли не благоговейным (слово непрошено пришло мне на ум) – в противовес болтающим и нетерпеливо перешептывавшимся любителям музыки на других скамьях. И руки он терпеливо сложил на коленях. Кстати, руки тоже были в крови из разбитых костяшек.

Он не стал аплодировать, когда тринадцать хористов и хористок в черных одеяниях наконец выбежали из боковой дверцы, чтобы занять свои места в нефе храма. Парень не вздрогнул и не открыл глаз, но поза его неуволимо изменилась, как если бы он был весь железный, а на дальнем конце города кто-то поиграл с магнитом.

Я готова была закипеть от досады. Я здесь собиралась с головой уйти в «Гимн» Антрима. Я несколько недель ждала этого дня. Мне представлялись теплый си-итский вечер, до краев залитый сиянием фонарей, трепещущая от созвучий эпохи атмани ночь и я сама, затерявшаяся в этих звуках. Вместо этого пришлось делить скамью с избитым в кровь болваном, и, что еще хуже, я то и дело вспоминала о нем, даже когда зазвучала музыка.

«Надо было убить сразу, как вошел», – думала я.

Не обязательно вскрывать глотку – есть способы потоньше, и управиться можно было быстро, без риска сорвать концерт. Но пение уже лилось, и мысль передвинуться, чтобы накинуть шарф ему на шею, стала мне неприятна.

Я постаралась забыть про соседа и тоже закрыла глаза, отдавшись созвучиям голосов. «Гимн» в начале намечает основной мотив, диссонансная тема в миноре свивается вокруг себя, оставаясь незавершенной, словно несколько нот в ней забылись или оторвались. Когда к первому голосу присоединяется второй, слух жаждет этих недостающих тонов. Встречная тема обещает цельность, а потом отказывается в ней. Наконец-то я, закрыв глаза на все вокруг, сумела вступить на неторные пути музыки. Я забыла о моем окровавленном соседе.

Но когда первая часть подошла к мучительному финалу, я открыла глаза – и увидела его на том же месте. Кровь у него остановилась, зато теперь – только этого не хватало! – он беззвучно плакал. Сжатые на коленях кулаки вздрагивали, кожа на ободранных костяшках туго натянулась. Мои руки лежали спокойно – в Рашшамбаре так учат, – но я распознала в его дрожи действие музыки. Иногда кажется, что невозможно оторваться от Антримова «Гимна», не дослушав до финала, но мой сосед не стал ждать. Когда хор выстроился для исполнения второй части, мужчина открыл уставленные в пустоту глаза, тряхнул головой, будто разгонял туман, и, к моему несказанному удивлению, встал. Он на короткий миг встретился со мной глазами и тут же отвернулся – к храмовой двери и ночи за ней.

– Ты пошла за ним, – уверено проговорила Эла.

Я, допив вино, устало кивнула. Солнце давно погрузилось в дымку на западе. Площадку освещали красные фонарики – они покачивались на теплом ветру, и огоньки внутри плясали. Прислужник, с которым всю ночь развлекалась Эла, принес еще кувшин вина. На этот раз он задержался, тронув ладонью ее обнаженное плечо.

– Что-нибудь еще?

Эла отогнала его игривым взмахом руки.

– Потом, Трием, потом.

– По-моему, с меня хватит, – сказала я, опасливо взглянув на полный кувшин.

– Ерунда, – неожиданно деловито отозвалась Эла, подливая мне вина. – Из тебя, как следует не напоив, хорошей истории не вытянешь. Это уже ясно.

Наполнив и свой бокал, Эла поставила кувшин поближе к себе.

– Итак. Ты пошла за ним...

– Я пошла за ним, – осторожно подтвердила я.

– Ради чего? – спросила Эла, заглядывая мне в лицо.

Я сама сто раз задавалась этим вопросом. Хорошего ответа на него не было.

– Ради его глаз, – ответила я.

– Я думала, ты видела только один. Второй заплыл.

– Пусть будет: «ради его глаза».

– И какие они?

Я колебалась. Описывая утренние события у памятника, об этом я промолчала.

– Зеленые, цвета мха, – наконец призналась я.

– Люблю зеленоглазых, – улыбнулась Эла.

Я сдвинулась к самому краю скамьи и встала, когда началась вторая часть, – все тринадцать голосов слились в одну ноту, полупесню-полувоплъ, выбившую из разума все мысли. Я знала, чего ожидать, и все же у меня едва не подкосились ноги. На миг я застыла, схватившись за спинку скамьи. Музыка чуть не затянула меня обратно. Я готова была опуститься на место, чтобы дослушать до конца, но почему-то окровавленное лицо того парня влекло сильнее. Что-то в его единственном зеленом глазу отразило всю силу, тонкость и ярость музыки и увело меня за ним в теплую си-итскую ночь.

Тяжелая дверь затворилась за мной, отрубив музыку. Мне представились прижатые к ртам подушки и как певцы бьются с их неподатливой мягкостью, сражаясь за звук и дыхание. Среди прочих выпестованных Рашшамбаром представлений было и такое: все, что кончается, кончается навсегда. Песня, на все тринадцать голосов, конечно, продолжала звучать, но для меня этой ночью она закончилась. Я вдруг рассердилась и удивилась своему гневу.

– Не все понимают.

Обернувшись на голос, я увидела посреди мощеной улицы того молодого человека. Он стоял ко мне спиной и, казалось, разглядывал цепочку освещавших улицу факелов. Мне подумалось было, что он обращается не ко мне, что встретил знакомого, но язык его тела, внятный для того, кто всю жизнь потратил на его изучение, говорил другое. Он меня заметил, он ожидал, что я за ним выйду, и, более того, приготовился.

Но затаившаяся в нем готовность дать отпор не сказала в голосе – глубоком, но негромком и спокойном. Не такого я ожидала от человека с разбитыми костяшками и сломанным носом. С его тембром он сам мог оказаться певцом, хотя речь никак нельзя было назвать певучей.

Он покачал головой и спросил:

– Вы, когда шли на Антрима, ожидали мелодии поживее? Думали потанцевать?

Я снова вернулась к мысли об убийстве. Не знаю, зачем я вышла из храма, но уж наверное не затем, чтобы вместо прекрасной музыки слушать насмешки. Тяжесть двух пристегнутых к бедрам ножей успокаивала, как успокаивает молитва или обещание. Сквозь ткань штанов я очертила ногтем рукоять. Однако предпочтения моего бога хорошо известны: жрец Ананшаэля может убить, верша правосудие, из жалости, даже для чистой бескорыстной радости, но в гневе дары богу не приносят. Гнев обесценивает дар, принижает его.

– Ты первый ушел, – заметила я.

– Мысли мешали сосредоточиться на музыке.

– И о чем же это мы задумались?

Он наконец обернулся. Не скалился, не сверкал глазами. И руки были свободно опущены. И все же так разворачиваются навстречу бою – выдерживая расстояние, расслабляя шею и плечи, перенося тяжесть тела на мышцы ног. Что он побывал в бою, я поняла еще в храме. Сейчас, в десятке шагов от него, я увидела больше: он был боец.

– В горло или в живот? – ответил он, изучая мое лицо.

– Это загадка?

Мужчина покачал головой:

– Загадки уж всяко веселее, чем женщина, подумывающая вогнать тебе нож в живот. – Он поджал губы. – Или в горло.

Внезапно выбитая из равновесия, я замялась. Он и одним глазом мигом увидел меня насквозь. Мне почудилось, что он разглядел под одеждой и тонкие очертания ножей.

– Кто тебя подослал? – спросил он. – Квидис? Шахуд?

Незнакомые имена. Я жила в Сиа с весны, но в городе насчитывались сотни тысяч душ, я же познакомилась хорошо если с парой десятков, да и из тех четверых уже отдала богу.

– Никто меня не подсылал.

– Вранье. Целым глазом я все еще вижу. Ты не случайная прохожая, заглянувшая послушать музыку тысячелетней давности. Ты искала меня. И нашла. И вышла за мной. Один вопрос: что ты станешь делать дальше? – Он склонил голову набок; разбитая губа у него снова лопнула, и он, ощутив ее языком, сплюнул кровь на булыжники. – Надо думать, даже Шахуд не такой дурак, чтобы желать мне смерти.

– Не знаю я Шахуда, – ответила я. – И Квидиса не знаю. Желай я тебе смерти, ты бы уже был мертв.

– Слова влюбленной женщины, – довольно промурлыкала Эла.

Я разглядывала ее лицо и не находила следов трех выпитых кувшинов. Она, даже сидя неподвижно, казалась проворной.

– Не влюблялась я в него. Я была в бешенстве.

Она крутила в пальцах тонкую ножку бокала. В Рашшамбаре бокалами пользовались редко – к чему эта пустая роскошь, когда глиняные чашки служат не хуже? – но Эла обращалась с невиданной посудиною легко и привычно.

– Бешенство, допустим, еще не любовь, но ведет к ней короткой дорожкой.

– Ты еще скажи, что все едино, – выпучила я глаза, – что наслаждение есть боль, ненависть есть любовь...

Эла пригубила вино и отставила бокал точно на очерченный им влажный кружок.

– В конце концов наш бог снимает все подобные вопросы.

Меня уязвила не столько ее уверенность, сколько небрежный взмах руки – она отмахнулась от меня, как от мухи.

– Само собой, – отозвалась я, – однако до конца концов мы еще не дошли. Если бы я спешила к богу, мне нечего было бы делать здесь, незачем создавать предлог для встречи с Руком Лан Лаком.

Она на полмгновения сузила глаза, словно вышла из полумрака на яркий свет. И улыбнулась:

– Ты права, приношу свои извинения. Чтобы смерть имела значение, чтобы имела хоть малый вес, прежде всего необходима жизнь.

– Жизнь у меня была, – огрызнулась я, только теперь заметив, что сменила сторону в споре, и разозлившись на эту перемену.

Эла улыбнулась еще шире:

- Расскажи мне о том мальчике.
- Ему тогда было двадцать четыре. Взрослый мужчина.
- Она снова поднесла бокал к губам и блаженно прикрыла глаза.
- Мужчина... еще лучше. Рассказывай дальше!

Идиотизм положения бил в глаза.

Верных Ананшаэля учат поклоняться тишине и теням. Нас учат проскользнуть в оставленное незапертым окно, перерезать горло и исчезнуть, подобно призраку. Капелька яда, размазанная по дну кружки пьянчуги, пронзившая шею стрела с черным оперением – вот образ действий Рашшамбара. А тут я стояла посреди улицы, хвастаясь своим умением убивать.

Любовь была ни при чем, тут Эла ошиблась. Может, она и умела влюбляться, едва смещался центр тяжести, но мое сердце к такому самозабвению не способно. Любви там не было, но что-то и вправду обжигало мне кожу изнутри – что-то сорвало меня с места, что-то непонятное подбивало метать в него глупые насмешки, точно ножи или поцелуи.

Я не заметила этого, когда он садился, но парень, если убрать кровь и синяки, был недурен собой и даже красив. Опухшая щека не скрыла рельефных, смело вылепленных скул. И темная кожа, даже разукрашенная синяками и ссадинами, в свете факелов казалась теплой. И еще кое-что: он был не только красавчик с глазами цвета мха, но и боец – плечистый, жилистый. И не просто боец, а боец, способный проследиться от хоралов Антрима. Таких, как он, я и в Рашшамбаре не встречала.

Как видно, он не отвечал взаимностью на мои чувства.

– «Желай я твоей смерти, ты был бы мертв»! – Он слизнул кровь с зубов и сплюнул кровавую слюну. – Реплика из мелодрамы середины века. Была недавно в театре?

У меня снова чесались руки схватиться за нож. Чтобы унять зуд, я мысленно повторила строку из древнего гимна Ананшаэлю.

«Смерть – объятия, а не выход».

Этому простому напеву в Рашшамбаре учат детей, и не зря. Те, кто не воспитан в нашей вере, поневоле разрешают свои затруднения без убийств. Обычная женщина плохо представляет, куда воткнуть нож, чтобы пресечь деятельность человеческого организма, и потому даже в гневе далеко не сразу потянется за ножом. Люди, воспитанные за пределами Рашшамбара, с малолетства учатся спорить, торговаться, возмущаться, извиняться, а за клинки берутся лишь в крайности. А для служителей Ананшаэля в ноже нет тайны. Он выглядит простым и очевидным ответом на множество вопросов, а между тем людские споры бога не касаются, и недостойно его путей служить выходом из наших мелких перипетий. Тому и учит гимн. Потому я и вела разговор с Руком Лан Лаком – впрочем, еще не зная его имени, – а не вырезала ему печень за то, что заставил почувствовать себя дурой.

– Если собираешься меня резать, – проговорил он, многозначительно поглядывая на мое бедро, – вытаскивай нож, поцелуй его Кент. Будь у меня время, я бы еще сидел там и слушал Антрима, а не твою трескотню.

Он ткнул пальцем через мое плечо на сторожившие дверь храма безликие изваяния.

От обиды вспыхнули щеки. Незнакомое ощущение.

– Ну? – Мужчина развел руки, приглашая меня ударить.

Только сейчас на него стали обращать внимание многочисленные прохожие: замечали подсохшую на лице кровь, прослеживали взгляд единственного глаза, натывались на меня и смущенно спешили прочь, оставляя нас в неподвижности двух валунов посреди течения.

– Я вышла за тобой, – заговорила я, понизив голос.

– Мне не до того, – тряхнул он головой. – Меня ждет бой. Если намерена мне помешать, берись за дело.

Страх в нем не было. Скорее была скука. Во мне же к раздражению примешалось любопытство. И захотелось показать ему себя, показать, на что я способна. Захотелось, чтобы этот красивый зеленый глаз округлился от удивления.

В свои девятнадцать лет я привыкла чувствовать себя сильнее, сметливее, быстрее всех за пределами Рашшамбара. Старшие жрецы и жрицы Ананшаэля, конечно, могли бы разобрать меня по косточкам, но за стенами нашего города из белого песчаника я привыкла встречать неповоротливых, как скотина, людей. Бахвалящиеся в портовых тавернах силачи, охранники купеческих караванов с переломанными носами, задиристые пьяницы и рослые неуклюжие телохранители богачей казались мне слабыми неумехами. Я их не замечала. Всех идущих путями бога смерти подстерегает эта опасность. Если разобрать кого-то на части – как сделать вдох, легко поверить, что ты выше этого кого-то.

Ананшаэль не терпит подобной заносчивости. Она противна всему, что ему дорого. В тесной могиле нет места гордыне. Последняя истина неизбежного конца стирает все различия между слабыми и сильными, великими и малыми, между вооруженной ножом и гордыней жрицей и согнувшимся под тяжестью груза уличным носильщиком. В прежние времена бог виделся мне огромным, как небеса, мстителем, сжимающим оружие в сотне грозных рук. Теперь он представляется мне стариком, терпеливым и неспешным. Он зачерпывает ладонью влажную весеннюю землю, подносит ее к свету, показывая нам, и снова и снова с бесконечным терпением твердит одни и те же слова: «Вот это – вы. Вот это – вы. Вот это – вы», пока мы не поймем.

Тогда я еще не понимала – не вполне, не до конца. Презрение воинственного красавца меня обожгло. В смятении оскорбленной гордости и гнева мне нельзя было его убить, но и отпустить так просто я не могла.

– Что за бой? – спросила я.

– Хитрюга ты, Пирр, – добродушно упрекнула меня Эла, удивленно покачивая головой. – Сколько живешь в Рашшамбаре, все страдала и ныла по любви, а между тем прятала под юбкой такой восхитительный роман!

– Я не прятала...

– Как же не прятала? Ты с ним обращалась как с нефритовым стеблем из тех, что мы видели в Моире: когда воображала, что мы с Коссалом не видим, пускала над ним слюни, а потом припрятывала в мешок и день напролет разыгрывала из себя каменное сердце, не знающее и не приемлющее любви.

– Ты это о чем? – устала я на нее.

– Только не говори, что не видала тех жезлов. Их продавала на утреннем рынке женщина в платке с ножами. С мое запястье! – Она обхватила свою руку пальцами и вдруг хитро прищурилась. – Ты ведь такой купила?

– Зачем мне нефритовый член в руку толщиной?

– Будем считать, что это вопрос риторический.

– Будем считать, ты понимаешь, что полированный каменный фаллос не имеет ничего общего с любовью.

Эла задумчиво свела брови.

– Я бы не сказала, что совсем ничего, – заметила она.

– Думается мне, даже для тебя любовь с камнем будет некоторой натяжкой.

– Иногда не вредно и натянуть, – подмигнула она.

Я прикусила язык, с которого уже готов был сорваться резкий ответ, сделала большой глоток и подождала, пока напиток доберется до желудка, прежде чем спросить:

– Хочешь услышать, чем кончилось, или нет?

Музыканты под утро зачехлили инструменты, но на площадке еще остались несколько упрямых компаний по два-три человека. В паре столиков от нас дурачилась молодая парочка: он все норовил взять ее за руку, а она сердито отдергивала кисть, прижимала к себе и тут же снова выкладывала на стол, словно наживку для рыбы. Еще дальше очень толстый и очень пьяный мужчина уныло напевал, превращая плясовой мотив в погребальный. Прислужники уже начали сдвигать стулья и протирать столики, но нас пока не тревожили.

– Нет, – решила, подумав, Эла. – Не сегодня.

Я этого не ожидала.

– Только что ты ворчала, что я все скрываю.

– Да и скрывай себе. Мне это нравится. – Она осушила бокал и через его край взглянула мне в глаза. – Если никто ничего не скрывает, чего нам искать?

– Мне бы в постель, – покачала я головой, окончательно запутавшись.

– Ты весь день проспала! – закатила глаза Эла и перевела взгляд на полуголого юношу, обслуживавшего наш столик. – И Триему здесь еще надолго работы.

– Мне надо в постель, – повторила я, нетвердо вставая на ноги. – Чтобы завтра быть готовой.

– О? – подняла бровь жрица. – Смею спросить, к чему ты готовишься?

– Кое-кого убить.

6

Казалось, Глотка только и знает, что бить и пить.

Что этого здоровяка зовут Глоткой, я уже поняла: каждый раз, как он с грохотом опускал на стол деревянную пивную кружку, сидевшие вокруг – тоже солдаты, его подчиненные, – хором голосили: «Глот-ка, Глот-ка, Глот-ка!»

И происхождение клички нетрудно было угадать: его шея мясистой колонной поднималась от тяжелых плеч до ушей. Из-под открытого ворота форменной рубахи виднелись татуировки, большей частью шипастые лозы и сплетение колючек, хотя имелся и корявый рисунок женщины, растопырившей угловатые голые ноги так, словно пыталась – вопреки всякой вероятности – получить удовольствие от его вздувшейся артерии. И вообще весь ублюдок был как его шея: словно кто-то сляпал его из здоровенных кусков мяса, не слишком сообразуясь со строением скелета.

Глотка не пел, зато поддерживал самые высокие ноты хора соратников, колошматя по чему попало: по столу, по собственному колену или по плечу собутыльника, будто доказывал, что пьян и ни о чем не думает.

Я ни тому ни другому не верила.

Правда, он у меня на глазах влил в себя внушительное количество пива и теперь качался на стуле, но качался как-то не так. Движение выглядело нарочитым, наигранным. И глаза у него не блуждали, как у настоящих пьяных, смотрели уверенно. Вроде бы он ничего не замечал за кругом собутыльников, но взгляд безостановочно, быстро и хладнокровно шарил по комнате. И к открывшейся двери Глотка оборачивался неуловимым движением – я сама бы не заметила, если бы нарочно не присматривалась.

Согласно общепринятому заблуждению, крупные мужчины глупы. Я слышала тому десяток объяснений: что мышцы оттягивают кровь от мозга, что головы у них страдают в бесчисленных драках, что им попросту ни к чему острый ум. В театре их обычно представляют смешными тупицами, писатели рисуют придурками среди стройных и разумных созданий. Как видно, мысль, что можно быть сильным и умом, и телом, оскорбляет наше врожденное чувство справедливости. Нам кажется, что существует честный обмен: бедная жизнь или богатая

душа, красота или благородство. Только мир устроен иначе. Богиню-родительницу честность и справедливость не волнуют.

Бедиса одаряет благословениями по своей прихоти: одного осыплет здоровьем, силой и мудростью, другому откажет даже в таком простом утешении, как прямой позвоночник. Только смерть уравнивает всех.

Глотка, бесспорно, был еще жив – убить его предстояло мне, – и я с сожалением отмечала, что как раз его Бедиса одарила очень щедро. Я перевела взгляд на его спутников – судя по значкам на аннурской форме, солдат его легиона. Любого из них убить было бы проще. По правде сказать, проще было бы убить даже всех разом. Солдаты были молоды, за годы переходов и боев на Пояснице накачали силу, но, в отличие от Глотки, все они создавались по человеческой мерке. Шеи их казались пучками из позвоночника, пищевода, гортани и нервов, а не архитектурными сооружениями. К тому же они волновались.

Конечно, они скрывали это как умели: смеялись громче обычного, хлопали друг друга по плечам, старательно не замечали соседей – местных жителей, расположившихся за другими круглыми столами и почти невидимых в слабом свете красночешуйчатых фонариков. Кое-кто из солдат пробовал пить наравне с Глоткой, но по тому, как они спотыкались и путали слова песен, делалось ясно – не угонятся. Но и после полубочонка пива они не могли скрыть боязливых взглядов, и руки у них сами собой тянулись к мечам и ножам на поясе. А когда со стойки свалилась глиняная кружка, даже самый пьяный из их компании подскочил, будто ожидая удара.

Разумеется, тут, хоть отчасти, сказались мои старания. Аннур два века с завоевания Домбанга твердил, что город теперь – часть мирного и единого целого, будто вражду можно изжить подписанием пары договоров и отменой прежних пошлин. Обычно мир не так податлив.

Я в свое время проводила свободные часы над огромной рашшамбарской коллекцией старых карт. Впрочем, до сих пор провожу, и вот что поражает меня в этих пожелтевших листах пергамента: королевства и империи могут менять названия, их части могут разделяться или сливаться, создавая видимость перемен, но основные границы сохраняются из века в век. Ни одна империя не объединила земель к востоку и к западу от Анказа. Никакое правление не свело в единое государство города на севере от Ромсдальских гор. И ни одна сила Эридрои не обуздала диких земель Поясницы – тех самых, где лежала дельта реки Ширван и стоял Домбанг. Ни одна, пока не пришел Аннур.

Империя полуденного солнца победила в большом сражении при Домбанге, и легионам картографов пришлось вдруг чертить новые карты, словно тысячелетия гордости и верности можно отменить одним сражением и чернильными линиями новых границ. В городе, хоть и подпольно, осталось старое жречество. Люди еще помнили древние песни. Во дворцах, по мостам еще стояли старинные статуи тех, кто правил Домбангом во времена его свирепой независимости. Аннур чуть не два века принуждал город забыть свою историю, но история, как вода или гниль, проникает в любую щель. И хватило малости красной краски и отпечатка моей ладони, чтобы напомнить всем и каждому: эти легионы под стягом пылающего солнца называют себя защитниками, но они – захватчики.

И видно, солдаты на том конце таверны это хорошо понимали. Громкий хохот и натужное веселье дополнялись короткими мечами – помехой в застолье, зато очень полезным средством, если наружу придется прорубаться с боем. Для моей цели – убийства их командира – это было весьма некстати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.